

2e

84(7000) - 125
№ 58

НОВЫЕ МУРЗИЛКА

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЕСНЫХ ЧЕЛОВУЧКОВ

РИС. П. КОКСА

190288-1

НОВЫЙ МУРЗИЛКА

— • —
УДИВИТЕЛЬНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ И СТРАНСТВОВАНИЯ
== МАЛЕНЬКИХЪ ЛѢСНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧКОВЪ ==

— • —
ПАЛЬМЕРА КОКСА

Съ рисунками автора

ИЗДАНИЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ || МОСКВА
Гост. Дв., 18 и Невскій, 13 || Кузн. М., 12 и Моховая, 22.

1913

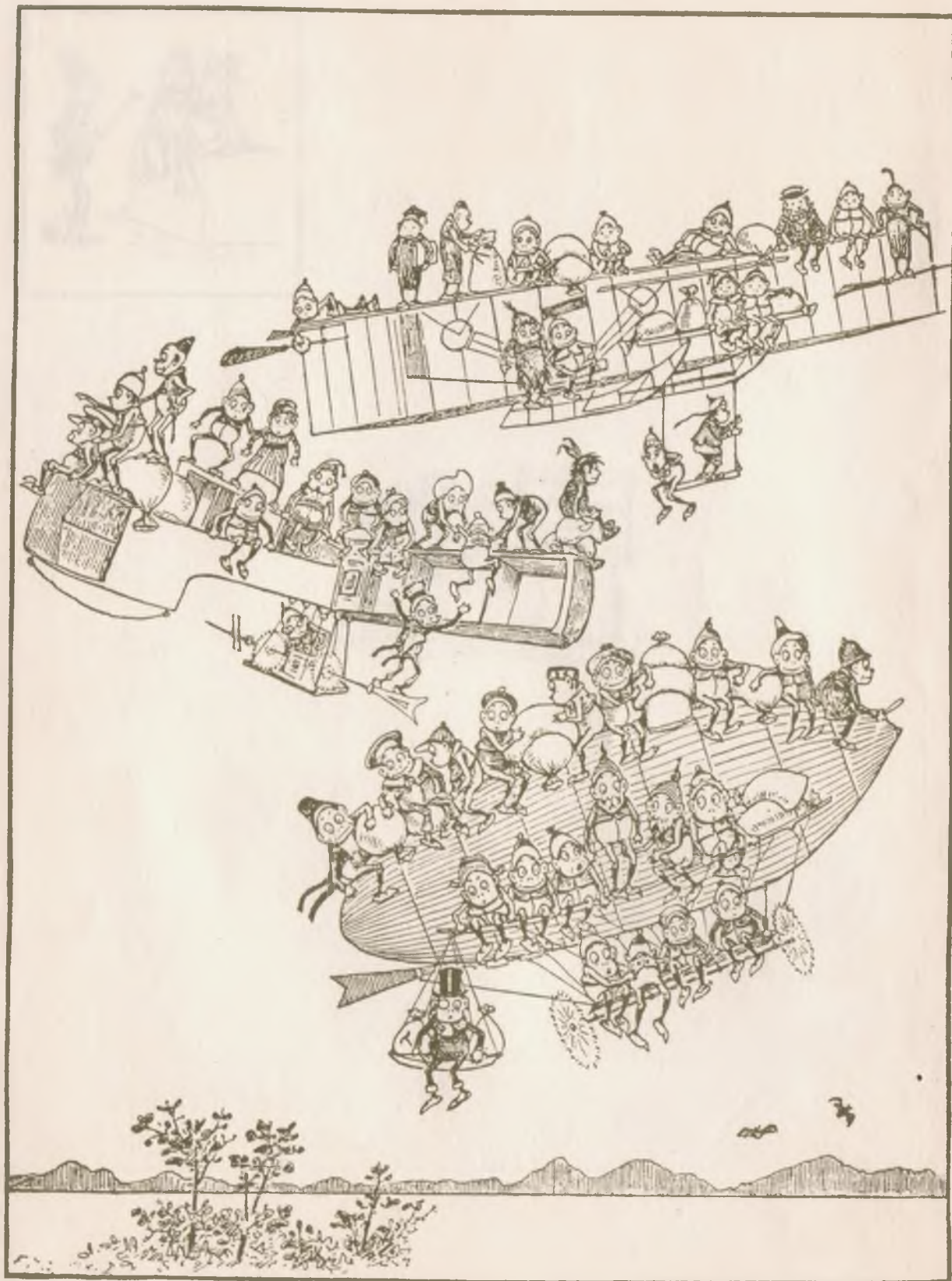
84 (7000)
V. 53

лж., СР.

Я маленькій лѣсной человѣчекъ, одинъ изъ многихъ маленькихъ человѣчковъ или эльфовъ, которые живутъ въ лѣсу, подъ листьями папоротника и отправляются каждый годъ странствовать по всему свѣту. Въ какихъ странахъ мы ни были! Чего только мы ни видали! Какихъ приключеній ни испытали! Про эти странствованія уже написано много-много, но далеко еще не все. Нынче лѣтомъ мы опять совершили большое путешествіе, и про это-то путешествіе я хочу вамъ подробно рассказать. Въ этомъ путешествіи приняли участіе почти всѣ наши лѣсные малютки: и нашъ врачъ, докторъ Мазь-Перемазъ, и Дѣдко-Бородачъ, и Знайка, который все знаетъ, и его родной братъ Незнайка, который ничего не знаетъ, и ловкій Скокъ, и охотникъ Микъ, и Вертушка, и китаецъ Чи-ка-чи, и индѣецъ Ски, и Микробка, и Пуговка, и Чумилка-Вѣдунъ, и рыболовъ Лимъ, и американецъ Джонъ, и... Впрочемъ, если бы я захотѣлъ перечислять всѣхъ малютокъ, то пришлось бы исписать

много-много страницъ, такъ какъ списокъ лѣсныхъ малютокъ очень-очень длинный. Первымъ въ этомъ списокѣ значусь я, Мурзилка. И это понятно: я вѣдь самый умный изъ всѣхъ, самый храбрый, самый смѣлый. Мои товарищи обо мнѣ другого мнѣнія, но они несправедливы. Впрочемъ, вы это сами узнаете изъ моего сказа...

Такъ вотъ, въ это лѣто мы, лѣсные малютки, по обыкновенію, отправились въ путешествіе — посмотрѣть дальніе края.

Отправились мы не пѣшкомъ, не по желѣзной дорогѣ, не на пароходѣ, а на трехъ летательныхъ машинахъ: двухъ аэропланахъ и одномъ дирижаблѣ. Я помѣстился на дирижаблѣ: на немъ, говорятъ, безопаснѣе летать, чѣмъ на аэропланахъ. Любя удобства, я привязалъ къ машинѣ маленькую отдѣльную лодочку и преспокойно расположился въ ней. Летали мы по воздуху цѣлыхъ три дня и три ночи; подъ нами видны были рѣки, моря, горы, поля. Уставъ порядочно, мы рѣшили спуститься на острова, на землю, у самаго берега моря.

— Гдѣ мы? — обратились всѣ къ Знайкѣ.

Но Знайка, который обыкновенно все зналъ и всегда могъ указать, въ какой мы находимся странѣ, на этотъ разъ не могъ отвѣтить.

— Мы находимся на какомъ-то отдаленномъ, неизвѣстномъ островѣ, — отвѣтилъ онъ.

Собравшись на берегу моря, мы начали совѣщаться, остаться ли намъ или ѣхать дальше. Вдругъ, неизвѣстно откуда, на насъ полетѣли яйца, апельсины, картофелины... Одно яйцо угодило прямо въ мою шляпу, разбилось вдребезги и окатило меня желтовато-бѣлой жидкостью.

Я вскрикнулъ... Конечно, не отъ страха и не отъ боли, а просто такъ... даже готовъ былъ бѣжать. Въ это время прямо мнѣ навстрѣчу появилось какое-то страшное, обросшее волосами чудовище, похожее немного на человѣка, но безъ всякаго костюма.

Я закрылъ глаза—до того отвратительно выглядѣло это чудовище.

Собравшись на берегу, мы начали совѣщаться...

— Это обезьяна!—объяснилъ намъ Знайка.

Докторъ Мазь-Перемазь, Вѣдунъ и Скокъ бросились на чудовище и стали съ нимъ бороться.

Чудовище кричало или, вѣрнѣе, рычало такъ, что страшно было слушать. Я воспользовался общою суматохою, чтобы привести въ порядокъ свой костюмъ и въ особенности шляпу, а затѣмъ вернулся къ нашимъ ма-

люткамъ, которые тѣмъ временемъ успѣли повалить чудовище на землю и, несмотря на его крики, стали связывать его веревками.

Не успѣли мы еще справиться съ этою обезьяною, какъ появились другія, такія же некрасивыя, такія же страшныя. Но мы не струсили, въ особенности же я, Мурзилка, хотя я и держался немного подальше отъ обезьянъ, потому что онѣ показались мнѣ очень ужъ нечистоплотными и отвратительными...

Обезьяны очень сердито посмотрѣли на насъ, малютокъ, и имѣли, очевидно, желаніе вступить съ нами въ драку. Въ особенности имъ не понравились модная шляпа, которую я всегда ношу, и мое стеклышко въ глазу. Я замѣтилъ, какъ онѣ намѣревались броситься на меня. Но не тутъ-то было! Пока первую обезьяну связывали, Знайка со Скокомъ смастерили нѣчто въ родѣ клѣтки и силою втолкнули въ нее другую плѣнницу, не обращая вниманія на ея крики. Двухъ другихъ обезьянъ, помоложе, повелъ Дѣдко-Бородачъ, привязавъ одну къ другой; остальные точно также были связаны и перевязаны.

— Мы повеземъ этихъ обезьянъ съ собою и продадимъ ихъ въ зоологическій садъ, — предложилъ Знайка.

Каждую пойманную обезьяну Знайка снабжалъ тотчасъ же ярлыкомъ съ номеромъ, чтобы легче ихъ было узнать, послѣ чего мы повели ихъ всѣхъ въ пустой сарай, стоявшій на берегу.

Сначала обезьяны упирались, не хотѣли идти. Но нашъ охотникъ Микъ придумалъ для нихъ приманку: онъ привязалъ къ веревкѣ апельсины и взялъ въ руку связку вкусныхъ банановъ и пошелъ впередъ. Обезьяны, почуявъ вкусные плоды, побѣжали за Микомъ. Такимъ образомъ мы всѣхъ нашихъ четвероногихъ враговъ при-

вели въ сарай, находившійся у берега моря, и заперли на ключъ.

Сами же мы въ это время улеглись на берегу и, усталые съ дороги, крѣпко заснули.

Спать, однако, пришлось недолго. Вскорѣ насъ разбудилъ какой-то шумъ. Мы всѣ вскочили на ноги и что же видимъ? Запертыя въ сараѣ обезьяны взламываютъ дверь и выбѣгаютъ одна за другой.

Малютки успѣли повалить чудовище на землю...

Но далеко убѣжать имъ не пришлось. Мы бросились ловить ихъ. Обезьяны, очевидно, сильно проголодались, потому что очень спокойно дали перевязать себя и послушно послѣдовали за Микомъ, который накинულъ одной обезьянѣ на шею веревку и повелъ ее впереди.

Обезьяны не успѣли сбросить съ себя деревянные таблички съ нумерами, которыя мы повѣсили имъ на шею, и шли теперь гуськомъ въ порядкѣ нумеровъ, нарисо-

ванныхъ на табличкахъ. Только двѣ обезьяны оказались упрямецъ другихъ и не захотѣли идти. Тогда мы, недолго думая, притащили корзину, силою втокнули въ нее упрямецевъ и заставили другихъ обезьянъ частью волочить корзину по землѣ, частью нести на рукахъ.

Микъ привязалъ къ веревкѣ апельсины и въ руку взялъ связку вкусныхъ банановъ...

Когда мы привели всѣхъ обезьянъ къ опушкѣ лѣса, Знайка вдругъ предложилъ снять съ нихъ карточку и уже приготовилъ свой фотографическій аппаратъ.

Но обезьяны страшно перепугались аппарата. Имъ, видно, показалось, что это пушка, изъ которой ихъ

всѣхъ хотятъ перестрѣлять, и онѣ стали рваться, кричать, визжать.

Тогда Микъ съ Вѣдуномъ, недолго думая, привязали всѣхъ крикуновъ къ дереву и предложили Знайка, у котораго всегда былъ фотографическій аппаратъ съ собою,

Микъ накинулъ одной обезьянѣ на шею веревку...

начать снимать, чтобы сохранить на карточкѣ память о первой нашей побѣдѣ на неизвѣстномъ островѣ.

— Прошу стоять смирно, я начинаю,—произнесъ громко Знайка.—Разъ, два, три...

При словѣ три щелкнулъ аппаратъ, но въ то же время одна изъ обезьянъ, вырвавшись изъ веревокъ, вскочила на дерево.

Тогда Знайка еще разъ снялъ связанныхъ обезьянъ. Карточка удалась превосходно.

Послѣ этого мы опять заперли всѣхъ обезьянъ въ сарай, а сами отправились осматривать островъ.

И вдругъ среди развѣсистыхъ пальмовыхъ деревьевъ видимъ странное животное, похожее не то на козла, не то на осла. Замѣтивъ насъ, животное сдѣлало большіе глаза.

— Вотъ бы намъ прокатиться на этомъ ослѣ-козлѣ! — замѣтилъ Скокъ.

— Не совѣтовальбы! — сказалъ докторъ Мазь-Перемазь. — А то это животное, чего добраго, сброситъ всѣхъ, и мнѣ же придется лѣчить ваши ушибы...

— Не придется, — рѣшилъ Знайка. — Сейчасъ посмотримъ,

Мы втокнули въ корзину упрямецъ-обезьянъ...

какъ это животное отнесется къ нашей затѣѣ... Вотъ что: первымъ дѣломъ я сниму съ него портретъ. У меня вѣдь фотографическій аппаратъ съ собою...

И, недолго думая, Знайка направилъ свой аппаратъ на козла-осла.

Тотъ точно понялъ, что съ него хотятъ снять карточку, и спокойно усѣлся на землѣ.

— Эй, смотрите, чтобы этотъ звѣрь не причинилъ намъ бѣды! — предостерегалъ я моихъ товарищей.

— Прошу сидѣть спокойно! — закричалъ въ это время Знайка животному, — я снимаю!

Козель-осель оказался очень спокойнымъ и смирнымъ: онъ не только позволилъ снять съ себя портретъ, но даже—какъ мнѣ показалось—улыбнулся, глядя на фотографическій аппаратъ. И портретъ удался прекрасно.

Микъ съ Вѣдуномъ привязали всѣхъ крикуновъ къ дереву...

— Намъ нечего бояться,—проговорилъ Заячья-Губа, подошелъ къ ослу-козлу и схватилъ его за рога.

— Будьте столь любезны и встаньте на минутку,—сказалъ онъ при этомъ вѣжливо.

Животное послушно встало. Недолго думая, Дѣдко-

Бородачъ и докторъ Мазь-Перемазь вскарабкались ему на спину.

— Смотрите, осторожныѣ! — повторилъ я.

Тутъ случилось то, чего никто не ожидалъ: казавшійся такимъ смирнымъ, осель-козелъ, почувствовавъ, что кто-то сѣлъ на его спину, рванулся и...

Мазь-Перемазь съ Дѣдкомъ-Бородачомъ полетѣли

Знайка направилъ свой аппаратъ на козла-осла...

вверхъ, а державшій животное за хвостъ Чумилка-Вѣдунъ очутился на землѣ.

Я одинъ остался цѣлъ и невредимъ, но послѣ случившагося я уже потерялъ охоту къ прогулкѣ на ослѣ-козлѣ.

Животное, сбросивъ съ себя всадниковъ, преспокойно принялось рвать пальмовые листья.

— Эхъ, вы! — закричалъ между тѣмъ Вѣдунъ, — не такъ сдѣлали, какъ надо. Тѣхъ, кто желаетъ прокатиться на ослѣ-козлѣ, надо просто привязать къ спинѣ животнаго.

— Да, да, это вѣрно, — отвѣтили въ одинъ голосъ китаецъ Чи-ка-чи и охотникъ Микъ, и они съ Вѣдуномъ первые изъявили желаніе, чтобы ихъ привязали къ спинѣ осла-козла.

Сказано — сдѣлано. Какъ только всѣ трое вскарабкались на спину осла-козла, Вертушка, Дѣдко-Бородачъ и другіе,

Мазъ-Перемазъ съ Дѣдко-Бородачомъ полетѣли вверхъ...

перевивъ ихъ ноги веревкою, перекинули ее по животу осла-козла и крѣпко-накрѣпко привязали трехъ всадниковъ.

Въ это время Знайка приготовился снять новую карточку.

Пока Знайка собирался снять портретъ съ козла-осла и сидѣвшихъ на его спинѣ трехъ всадниковъ, странное животное стояло смирно. Но вотъ Знайка произнесъ: разъ, два, три... — и щелкнулъ аппаратомъ.

Тутъ случилось опять неожиданное происшествіе: осель-козелъ рванулся съ мѣста, привскочилъ и бросился бѣжать. Привязанные къ нему всадники полетѣли на воздухъ, но веревка крѣпко придерживала ихъ за ноги, и они точно летѣли по воздуху, подбрасываемые то вверхъ, то внизъ.

Отъ толчка охотничье ружье Мика выстрѣлило и, оче-

Дѣдко-Бородачъ и докторъ Мазь-Перемазь вскарабкались ему на спину...

видно, еще больше напугало осла-козла. Онъ помчался безъ оглядки и бѣжалъ, пока не наскочилъ на дерево. Веревка, которою были привязаны всѣ три всадника, зацѣпилась за сукъ, и наши всадники очутились на деревѣ, точно привязанные къ нему.

Все это я видѣлъ, стоя вдали и... радуясь, что между всадниками не было меня.

Всѣ три всадника, брошенные на дерево осломъ-козломъ, висѣли, прикрѣпленные за ноги къ вѣткѣ, и кри-

чали о помощи. Не будь меня поблизости, — не знаю, что

Вертушка, Дядко-Бородачъ и другіе перевили ихъ ноги веревками...

бы случилось. Но и я не могъ помочь имъ, потому что надо было бы перерѣзать веревки, а у меня не было въ

Привязанные къ ослу-козлу всадники полетѣли на воздухъ...

карманѣ ножа. Кромѣ того, мнѣ недостать бы до вѣтки.

— Подождите, — крикнулъ я, — сейчасъ сбѣгаю за другими малютками и за лѣстницею и васъ освобожу!..

— Нѣтъ, ждать нельзя, — отвѣтилъ Микъ, — я попробую освободить насъ другимъ способомъ.

Всѣ три всадника висѣли, прикрѣпленные за ноги къ вѣткѣ...

Въ рукахъ у Мика былъ заряженный револьверъ. Микъ былъ мѣткій стрѣлокъ. Хотя стрѣлять въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ находился, т.-е. головою внизъ, было ужасно неудобно, Микъ прицѣлился и выстрѣлилъ прямо въ вѣтку. Вѣтка сломалась, — и всѣ трое полетѣли на землю.

— Ау! Ау! У меня, кажется, при паденіи отлетѣла голова! — закричалъ китаецъ Чи-ка-чи, хватаясь за косу, но, убѣдившись, что коса у него на мѣстѣ, — успокоился.

Вѣдунъ стоналъ и растиралъ ушибленную руку. Одинъ только Микъ

бодро всталъ на ноги, прихрамывая, и сталъ искать козла-осла.

— Что ты хочешь дѣлать? — спросилъ я Мика.

— Я застрѣлю этого упрямаго козла! — сердито сказалъ Микъ, но своего рѣшенія не исполнилъ, такъ какъ насъ уже ждало новое приключеніе.

На пустынномъ островѣ, на которомъ мы очутились, оказалось много змѣй. Ихъ шипѣніе слышно было издали. Когда мы съ китайцемъ Чи-ка-чи, Вѣдуномъ, Микомъ и попавшимися намъ по дорогѣ Индѣйцемъ и Скокомъ

Вдругъ точно изъ-подъ земли выползли три змѣи...

отправились по направленію къ берегу, вдругъ, точно изъ-подъ земли, выползли три змѣи и такъ грозно посмотрѣли на насъ, что даже я, который никогда и ничего не боюсь, и то испугался. Это, кажется, было въ

первый разъ въ моей жизни, что я на самомъ дѣлѣ испугался.

Замѣтивъ выползавшихъ изъ-подъ земли змѣй, я бросился бѣжать, зная, какъ опасно имѣть съ ними дѣло. Змѣи между тѣмъ выползли на землю и стали карабкаться на деревья. Точно кольцомъ обвили онѣ толстыя пальмы, поднимаясь все выше и выше.

Въ это время подоспѣли другіе малютки и въ ужасѣ остановились. Змѣи сердито и злобно посмотрѣли на нихъ, а одна изъ гадинъ широко раскрыла свою пасть, точно желая проглотить всѣхъ за разъ.

— Вотъ хорошо бы снять карточку со змѣи на деревѣ, — сказалъ прибѣжавшій въ числѣ другихъ Знайка и уже наставилъ свой фотографическій аппаратъ на одну изъ змѣй.

Въ это время съ другой стороны раздался громкій крикъ нѣсколькихъ нашихъ малютокъ. Оказалось, что одна изъ змѣй, притаившаяся на вѣткѣ дерева, замѣтила проходившихъ Матросика и Дика, неожиданно спустилась внизъ и, продолжая держаться хвостомъ за вѣтку, обвила обоихъ — и Матросика, и Дика — и уже готовилась ихъ проглотить.

— Спасите! Помогите! — кричали Дикъ и Матросикъ.

— Подождите! — воскликнулъ Индѣецъ, — я сейчасъ освобожу васъ отъ злой змѣи. У насъ, въ лѣсахъ, много змѣй. Я знаю, что дѣлать. Эй, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Дѣдкѣ-Бородачу, — помоги мнѣ только вскарабкаться на дерево...

Поднявшись на дерево съ помощью Дѣдки-Бородача, Индѣецъ собирался уже разрубить змѣю топоромъ, но въ это время другая змѣя, спустившись съ вѣтки, такъ больно ужалила его въ руку, что Индѣецъ съ крикомъ упалъ на

землю, при чемъ чуть было не зарубилъ топоромъ стоявшаго рядомъ Микробки. Микробка отскочилъ въ сторону и при этомъ невольно ударилъ ту змѣю, которая держала Дика и Матросика. Змѣя закачалась во всѣ стороны, зашипѣла, бросила обоихъ малютокъ и въ одно мгновение свернулась на вѣткѣ. Дикъ и Матросикъ были спасены,

Знайка наставилъ свой фотографическій аппаратъ на одну изъ змѣй...

но ненадолго: не успѣли они еще опомниться, какъ изъ-подъ дерева выползла еще одна огромная змѣя и, открывъ широко свою пасть, проглотила обоихъ малютокъ.

Отъ проглоченныхъ двухъ малютокъ животъ змѣи сразу сильно раздулся, и самой змѣѣ, очевидно, трудно стало двигаться съ тяжелою для нея ношей.

Въ это время Микъ, зарядивъ свой револьверъ, подошелъ близко къ змѣѣ и намѣревался выстрѣлить въ

нее. Онъ надѣялся, что ему удастся спасти товарищей, барахтавшихся въ животѣ змѣи. Но змѣя, не дожидаясь выстрѣла, быстро подползла къ Микѣ и проглотила его точно такъ же, какъ проглотила Дика и Матросика. На-

Индѣецъ собирался уже разрубить змѣю топоромъ...

ходясь уже въ пасти змѣи, Микъ успѣлъ выстрѣлить, но его выстрѣлъ попалъ не въ голову змѣи, а въ сумку ловившаго какъ разъ рыбу на берегу моря Лима-малютки, который прибѣжалъ, услышавъ крики своихъ товарищей.

Теперь животъ у змѣи сталъ еще толще, и она всѣмъ уже не могла двигаться.

— Пожалуй, успѣю теперь снять карточку, — произнесъ Знайка, направляя свой фотографическій аппаратъ на лежавшую на землѣ и не дышавшую змѣю.

Микъ, находясь уже въ пасти змѣи, успѣлъ выстрѣлить...

Пока Знайка снималъ портретъ змѣи, отовсюду бѣжали малютки, кто съ саблею, кто съ ножомъ, кто съ топоромъ.

— Теперь-то ужъ я, навѣрное, успѣю отрубить у

этой змѣи голову, — говорилъ Индѣецъ и собирался исполнить свое намѣреніе.

Вдругъ изъ самаго живота змѣи раздался выстрѣлъ и вслѣдъ затѣмъ — веселые крики:

— Ура! Мы спасены!

Микъ и въ животѣ змѣи не растерялся и выстрѣлилъ изъ револьвера...

Оказалось, что Микъ и въ животѣ у змѣи не растерялся и выстрѣлилъ изъ револьвера, отчего въ кожѣ змѣи образовалось отверстіе.

Въ одинъ мигъ подбѣжавшіе малютки ножами и саблями расширили отверстіе и помогли выползти товари-

шамъ, проглоченнымъ змѣею. Они вышли совершенно цѣлы и невредимы.

Все это я видѣлъ, стоя вдали.

Долго-долго сидѣли мы всѣ послѣ этого и рассказывали другъ другу о грозившей намъ опасности.

Всѣ четверо малютокъ стали перебираться на другую сторону...

Разсказъ прервалъ японецъ Коки, одинъ изъ самыхъ большихъ ростомъ лѣсныхъ малютокъ.

— Братцы, кто желаетъ переправиться черезъ рѣку по канату?—спросилъ онъ.

— Я,—первый заявилъ китаецъ Чи-ка-чи.

— И я!—воскликнулъ Рустикъ.

— И я!—добавилъ Матросикъ.

Коки былъ, какъ и всѣ японцы, очень ловкій малый. Онъ тотчасъ же перекинулъ канатъ на другую сторону рѣки, зацѣпилъ его за большое дерево и предложилъ послѣдовать за нимъ всѣмъ, кто пожелаетъ.

Вскорѣ всѣ четверо лѣсныхъ человѣчковъ, качаясь изъ стороны въ сторону, стали перебираться по канату на другую сторону рѣки.

Добравшись до берега, они въ одинъ голосъ закричали «ура!» и стали звать другихъ тоже перебраться по канату.

— Ну, что-жь? Попробуемъ?—спросилъ Вѣдунъ.

— Попробуемъ, — отвѣтили Заячья-Губа, Знайка, Скокъ, Карапузикъ и Дѣдко-Бородачъ.

Но едва они сдѣлали нѣсколько шаговъ по канату, какъ Вѣдунъ поскользнулся и чуть было не упалъ въ воду. Другіе тоже не удержались: Заячья-Губа подпрыгнулъ, Знайка, съ фотографическимъ приборомъ въ рукѣ, ухватился за канатъ руками, Скокъ усѣлся на канатѣ на колѣни, при чемъ своей длинной саблей чуть было не убилъ Карапузика, ударивъ его прямо въ носъ. Кое-какъ всѣ они наконецъ добрались до берега.

— Не собратъся ли и намъ?—предложилъ Индѣецъ, обращаясь къ доктору Мазь-Перемазь и ко мнѣ.

— Конечно!—отвѣтилъ Мазь-Перемазь.—А ты какъ думаешь, Мурзилка?—обратился онъ ко мнѣ.—Или ты боишься?

— Я никогда и ничего не боюсь!—отвѣтилъ я.

— Не храбрись, Мурзилка,—засмѣялся Индѣецъ,—право, страшно...

Но я, очень ловкій, конечно ничуть не побоялся.

— Слушай, Мурзилка, ты лучше останься, не ходи,—прибавилъ докторъ Мазь-Перемазь.—Вѣдь по твоему лицу видно, что ты боишься...

— Нѣтъ, я не боюсь,—повторилъ я,—и васъ тоже прошу за меня не бояться.

— Такъ идемъ,—сказалъ Индѣецъ и первый ступилъ на канатъ.

За нимъ послѣдовали Мазь-Перемазь и Лимъ, захва-

Заячья-Губа подпрыгнулъ...

тившій съ собою удочку и нѣсколько пойманныхъ рыбъ. Я ступилъ послѣднимъ.

Едва я поставилъ ногу, какъ канатъ началъ качаться во всѣ стороны. Удержаться стоя было очень трудно, и я, недолго думая, опустился на канатъ и усѣлся на немъ верхомъ. Канатъ въ эту минуту закачался еще сильнѣе. Мазь-Перемазь, слѣдуя моему примѣру, тоже усѣлся на

канатъ. А Лимъ, точно настоящій акробатъ, ловко качался на канатъ, то поднимая, то опуская удочку. Точно такъ же Индѣецъ, качаясь изъ стороны въ сторону, старался удержать равновѣсіе, двигая то въ одну, то въ другую сторону рукою, въ которой онъ держалъ топоръ.

Индѣецъ, качаясь изъ стороны въ сторону, старался удержать равновѣсіе...

Вдругъ—трахъ!—нечаянно остріе топора ударило по канату: канатъ затрещалъ, лопнулъ, и мы всѣ четверо очутились въ водѣ, не успѣвъ даже вскрикнуть...

Кто былъ радъ этому приключенію, такъ это рыбы, которыхъ захватилъ съ собою Лимъ: онѣ весело прыгнули въ воду и тотчасъ же скрылись.

Едва мы перебрались на другую сторону рѣки, какъ

поднялся страшный ураганъ. Однихъ онъ подбрасывалъ на воздухъ, другихъ валилъ на землю. Деревья такъ и гнулись отъ сильнаго вѣтра, и въ воздухѣ стояли такой шумъ и гулъ, что никто не могъ слышать, какъ я кричалъ:

Канать лопнулъ, и мы всѣ четверо очутились въ водѣ...

— Держите меня, держите Мурзилку, а то я упаду въ яму!

И дѣйствительно, не прошло и минуты, какъ вѣтеръ свалилъ меня да Дѣдку-Бородача въ глубокую яму.

Но я все-таки оказался молодцомъ: чувствуя, что вѣтеръ хочетъ сорвать съ меня шляпу и вырвать изъ моей руки трость, я быстро снялъ шляпу съ головы, крѣпко схватилъ ее одной рукой, въ то время какъ другою

придерживалъ трость. И такъ, со шляпою въ одной рукѣ, съ тростью въ другой, я летѣлъ внизъ. На лету у меня упало стеклышко съ глаза, такъ что я даже не видѣлъ, куда я падаю.

Очутился я на днѣ ямы внизъ головой. Но какъ ловкій гимнастъ, я тотчасъ сдѣлалъ прыжокъ и всталъ на ноги. Однако порывъ вѣтра опять свалилъ меня. Тогда я улегся и спокойно выжидалъ, пока вѣтеръ утихнетъ.

Я долго лежалъ на днѣ рва. Вѣтеръ продолжалъ бушевать. Онъ то стихалъ, то опять поднимался, пронзительно свистя.

Во рву было очень темно, но я все-таки разглядѣлъ, что кто-то копошится рядомъ.

«Навѣрно змѣя!» — рѣшилъ я и вскочилъ на ноги.

Тутъ раздался страшный пискъ и кто-то схватилъ меня за ногу.

Я не успѣлъ еще вскрикнуть отъ испуга, какъ пискливый голосъ произнесъ:

— Ахъ, это нога Мурзилки! Я узнаю ее по острому кончику штиблета. Навѣрно и самъ Мурзилка гдѣ-нибудь близко.

— Я здѣсь! Я здѣсь! И это моя собственная нога, — воскликнулъ я. — Но я не узнаю васъ. Кто вы?

— Я Дѣдко-Бородачъ, а со мною Микробка, — отвѣтилъ тотъ-же голосокъ.

Въ это время опять поднялся вѣтеръ, да такой сильный, что даже насъ троихъ поднялъ кверху.

Но мы все-таки удержались на самомъ краю.

Какъ разъ въ этотъ мигъ мимо насъ пронесли три всадника, сидѣвшіе на быстромъ конѣ. Я узналъ Мика, Вѣдуна, но третьяго узнать не могъ.

Не успѣли мы имъ крикнуть, какъ вѣтеръ свалилъ коня и всадниковъ къ намъ, въ ровъ...

Всему бываетъ конецъ. Кончился и ураганъ, и опять стало тихо и спокойно. Мы благополучно выкарабкались изъ рва и стали искать остальныхъ малютокъ. Всѣ они

Вѣтеръ свалилъ меня да Дѣдку-Бородача въ яму...

оказались цѣлы и невредимы и со смѣхомъ рассказали о своихъ приключеніяхъ.

Только я одинъ не могъ смѣяться: у меня была совершенно помята шляпа, перепорчены сапоги, разбито стеклышко. И мнѣ было не до смѣха!

Долго горевать, однако, не пришлось, такъ какъ насъ ждали новое приключеніе и новая большая опасность.

Изъ-за забора, стоявшаго недалеко отъ рва, слышались странные крики, и оттуда показались головы воору-

женныхъ чернокожихъ людей, которые громко что-то кричали.

— Знайка, — обратились мы къ нашему маленькому эльфу, который отлично умѣетъ говорить на многихъ языкахъ, — что это за люди и чего они хотятъ?

Мимо насъ пронеслись три всадника...

— Это несомнѣнно здѣшніе жители — негры, — отвѣтилъ Знайка, — а чего они хотятъ, этого я не знаю, а только по ихъ сердитымъ лицамъ видно, что они не рады нашему прїѣзду.

— А можетъ быть это людоеды? — раздается испуганный голосъ Микробки.

Я вовсе не трусь. Но быть съѣденнымъ людоедами я все-таки не желалъ. И потому я предложилъ, не дожидаясь, пока негры примутся дѣлать изъ насъ, лѣсныхъ малютокъ, котлеты, убраться отъ нихъ подальше.

— Нѣтъ, — возразилъ Микъ, — во-первыхъ, бѣжать некуда, а во-вторыхъ, мы должны показать чернокожимъ, что не боимся ихъ.

— Что-жъ? Надо намъ, значить, готовиться къ битвѣ, — замѣтилъ Скокъ.

Хотя я, Мурзилка, ничего не боюсь, но при словѣ «битва» я почувствовалъ, точно меня кто-то укусилъ.

— Да, да, надо готовиться! — повторилъ я все-таки вмѣстѣ съ другими.

Изъ-за забора показались головы вооруженныхъ чернокожихъ людей...

— Какъ же мы будемъ сражаться, когда у насъ даже оружія нѣтъ! — произнесъ неожиданно Пуговка.

Дѣйствительно, никто не подумалъ о томъ, что сражаться съ вооруженными чернокожими, не имѣя оружія, было очень опасно.

Въ это самое время я въ мое стеклышко увидѣлъ, что у берега стоитъ большой корабль.

— Ура! Нашелъ способъ, какъ спастись отъ чернокожихъ! — крикнулъ я. — Сядемъ на этотъ корабль и уплывемъ безъ битвы.

Мое предложеніе было принято. Мы всѣ тотчасъ перебрались на стоявшій у берега корабль, развели

пары и отплыли отъ берега. Что касается меня лично, то я изъ предосторожности надѣлъ на себя три спасательныхъ круга, которые, на случай если бы всѣ потонули, не дали-бъ мнѣ пойти ко дну.

Надѣвъ эти круги, я громко скомандовалъ: «отчаливай!»

Мы убрались какъ разъ во-время, потому что издали уже показались сердитые чернокожіе, вооруженные съ ногъ до головы. Они разсыпались по всему побережью съ криками и собирались броситься на насъ.

Только что мы отплыли отъ берега, какъ поднялся ужасно сильный вѣтеръ. На небѣ повисли грозныя тучи. Сдѣлалось почти совсѣмъ темно, только изрѣдка молнія ярко освѣщала все кругомъ.

— Скверно!—замѣтилъ Знайка.

На кораблѣ всѣ забѣгали, засуетились.

— Мурзилка!—обратился ко мнѣ Скокъ,—какъ же теперь быть? Вѣдь нашему кораблю грозитъ большая опасность!..

Я хотѣлъ было ему что-то отвѣтить, но громадныя волны съ такимъ бѣшенствомъ ударяли въ нашъ корабль, что все равно ничего не было бы слышно, что бы я ни сказалъ. За то я самъ отчетливо слышалъ, какъ мои зубы стучали и ударяли другъ о друга... Очевидно, это вѣтеръ такъ ихъ трясъ, потому что я самъ, конечно, ничуть не трусилъ...

Между тѣмъ на палубѣ корабля закипѣла работа. Всѣ суетились, бѣгали.

— Топоры чтобы были готовы!..—кричалъ Дѣдко-Бородачъ, который принялъ на себя обязанности капитана.—Надо срубить всѣ мачты, а то вѣтеръ, ударивъ въ нихъ, опрокинетъ нашъ корабль...

Не успѣлъ еще Дѣдко-Бородачъ дать приказаніе, какъ послышался голосъ Скока:

— Нашъ корабль вѣтромъ несетъ къ берегу... Вотъ смотрите: тамъ деревья!.. Если мы успѣемъ схватиться за нихъ, то мы спасены!..

Тутъ всѣ малютки, одинъ за другимъ, стали караб-

Мы отплыли отъ берега...

каться на мачты, надѣясь, что имъ оттуда легче будетъ схватиться за какое-нибудь дерево. А вѣтеръ между тѣмъ становился все сильнѣе и сильнѣе, и всѣ мы, взобравшіеся на мачты, едва могли удержаться на нихъ...

Но вотъ, наконецъ, когда корабль приблизился къ самому берегу, мы поймали какой-то сукъ и изо всѣхъ силъ ухватились кто за сукъ, кто за вѣтки.

— Ура!—закричалъ было я,—мы спасены!

Но въ эту самую минуту сукъ разломился пополамъ, и я полетѣлъ кубаремъ внизъ.

Къ счастью, я упалъ на лежавшій на палубѣ мѣшокъ съ мукою, а то я разбился бы на смерть.

Недолго думая, я опять сталъ карабкаться на мачту. Корабль между тѣмъ то и дѣло ударялся

Я полетѣлъ кубаремъ внизъ...

о подводные камни и точно стоналъ подъ этими ударами.

Кругомъ было такъ темно, что мы другъ друга не могли разузнать. Вдругъ раздался громкій голосъ Дѣдки-Бородача: «Держитесь за вѣтки!» Яркая молнія освѣтила все кругомъ, и тутъ я увидѣлъ вѣтки большого дерева, которое росло на самомъ берегу. Вѣтки нагибалось вѣтромъ то въ нашу сторону, то въ сторону земли. Услышавъ

приказаніе, всѣ разомъ бросились на эти вѣтки и плотно прижались къ нимъ.

Порывъ вѣтра сильно всколыхнулъ вѣтки—и часть нашихъ малютокъ благополучно очутилась на землѣ. Но только часть,—остальные же остались на кораблѣ, который качался во всѣ стороны и точно собирался упасть

Порывъ вѣтра сильно всколыхнулъ вѣтки...

въ бездну. Въ числѣ оставшихся на кораблѣ былъ и я: меня откинуло обратно на палубу, и я опять очутился на злополучной мачтѣ.

— Не робѣй, ребята!—закричалъ Дѣдко-Бородачъ.— Кидай канаты на берегъ!

Въ одинъ мигъ наши матросики стали бросать на берегъ прикрѣпленные къ мачтамъ канаты, которые другіе малютки, уже добравшіеся до берега, проворно схватывали.

— Пускай!—закричалъ опять Дѣдко-Бородачъ.

На канатахъ очутились небольшіе мѣшки, въ которые быстро усаживались двое-трое малютокъ и совершали своего рода воздушное путешествіе на берегъ, при чемъ нѣкоторые успѣли выкупаться въ морѣ.

Въ одномъ изъ первыхъ мѣшковъ переправился и я. Переправа была не-особенно пріятна, но я все-таки былъ радъ, когда добрался до земли.

Малютки совершали своего рода воздушное путешествіе на берегъ...

Послѣ того, какъ мы очутились на берегу, Знайка дѣлалъ перекличку всѣхъ малютокъ.

— Дѣдко-Бородачъ?

— Здѣсь!

— Мазь-Перемазь?

— Вотъ я!

— Индѣецъ Ски?

— Здѣсь! Здѣсь!

— Микробка?

— Я тутъ.

— Мурзилка?

— Я тутъ!

Всѣ оказались налицо и притомъ всѣ были живы и невредимы. Мало того—мы успѣли еще унести съ корабля нѣсколько сундуковъ съ разными вещами и, въ томъ числѣ, одинъ сундукъ съ музыкальными инструментами.

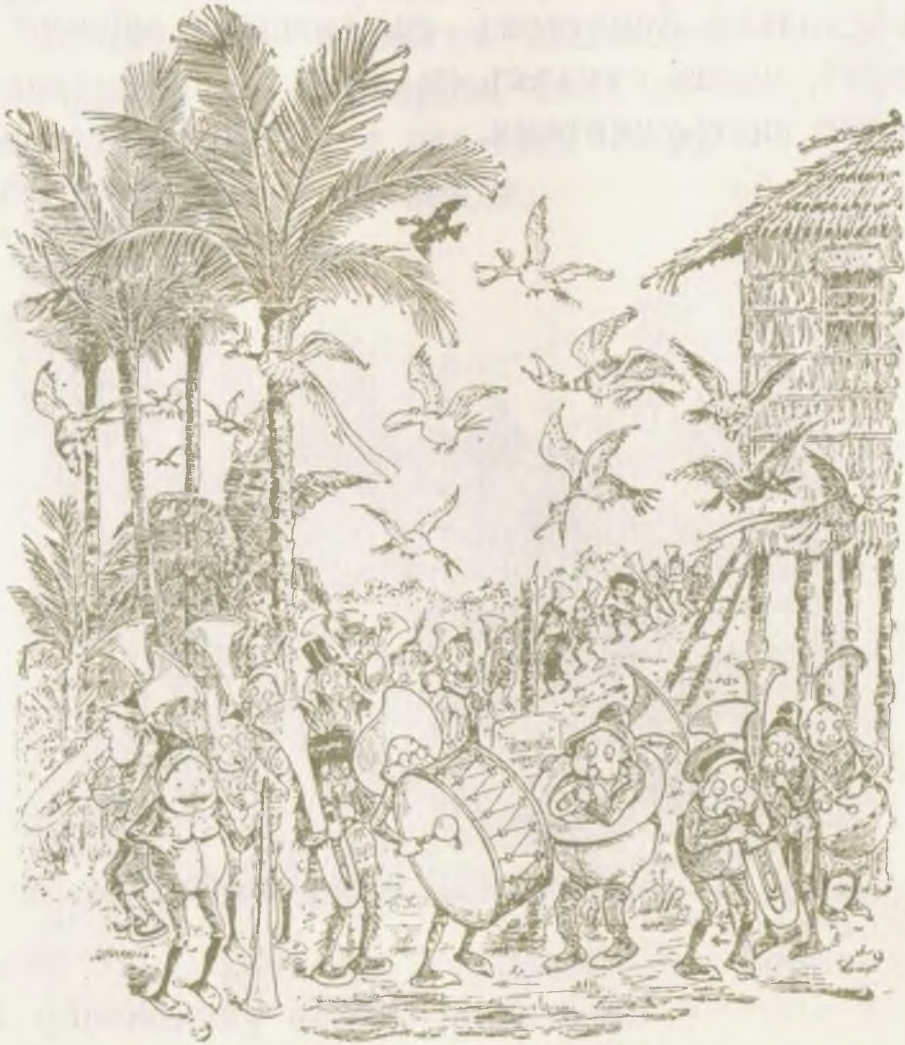

Мы открыли подъ звуки музыки шествіе вдоль берега...

Счастливые и довольные тѣмъ, что опасность миновала, мы немедленно принялись играть торжественный маршъ и открыли подъ звуки музыки шествіе вдоль берега неизвѣстнаго острова.

Перепуганная неожиданнымъ концертомъ, птицы летѣли кругомъ, издавая отчаянные крики.

Обойдя берегъ, шествіе подъ звуки торжественнаго марша направилось къ мѣсту, гдѣ стояло нѣсколько лодокъ. Мнѣ, какъ дирижеру, слѣдовало бы идти впереди, но я предпочелъ мѣсто въ заднихъ рядахъ. И не по-

Перепуганная неожиданнымъ концертомъ, птицы летѣли кругомъ...

жалѣлъ. Дѣло въ томъ, что едва шедшіе впереди Микъ съ большимъ барабаномъ, Рикки и Заячья-Губа съ огромными трубами усѣлись въ лодку, какъ лодка перевернулась, и всѣ они очутились въ водѣ, между тѣмъ какъ вторая лодка, въ которой я сидѣлъ съ остальными малютками, благополучно двинулась впередъ.

Первый замѣтилъ паденіе въ воду нашихъ товарищей Знайка и по обыкновенію тотчасъ направилъ на нихъ свой фотографическій аппаратъ. Но упавшимъ въ воду было не до фотографіи: они барахтались въ водѣ и кричали, чтобы мы имъ помогли.

Къ счастью, все обошлось благополучно: всѣ очутившіеся въ водѣ опять сѣли въ лодку, и мы съ музыкою двинулись впередъ.

Они барахтались въ водѣ и кричали, чтобы мы имъ помогли...

На самомъ берегу того острова, къ которому причалили наши лодки, стояла хижина.

Изъ открытыхъ оконъ хижины до насъ доносилось храпѣніе многихъ десятковъ спящихъ людей. Что это были за люди, мы не знали, потому что окна находились очень высоко, и мы не могли ничего видѣть.

— Тсс! — шопотомъ произнесъ Дѣдко-Бородачъ. — Надо, чтобы кто-нибудь изъ насъ, кто похрабрѣе, взлѣзъ по лѣстницѣ въ хижину и посмотрѣлъ, кто тамъ спитъ.

— Мурзилка самый храбрый изъ насъ! — замѣтилъ, улыбаясь, китаецъ Чи-ка-чи. — Пусть Мурзилка и управляется.

Я, конечно, готовъ былъ исполнить желаніе Чи-ка-чи, несмотря на то, что предстояло очень опасное предпріятіе, но меня предупредили Микробка, Бортикъ и Знайка: они заявили, что незамѣтно проберутся въ хижину и узнаютъ все, что нужно.

Такъ мы и рѣшили.

Спустя нѣсколько минутъ, въ окошечко хижины выглянули лица Микробки, Знайки и Бортика. Они дали намъ понять, что въ хижинѣ спятъ свирѣпые дикари.

Тотчасъ мы всѣ собрались, чтобъ обсудить какъ быть.

Бѣжать опять мы не хотѣли, и послѣ долгихъ споровъ рѣшено было напугать спящихъ дикарей.

И вотъ, ставъ кругомъ хижины, мы по знаку, который далъ Дѣдко-Бородачъ, заиграли всѣ за разъ во всѣ трубы, которыя у насъ были.

Играли мы съ такою силою и такъ громко, что даже видно было, какъ въ воздухѣ вылетали изъ нашихъ трубъ ноты. Вотъ какъ мы играли! Дикари проснулись, испуганно подбѣжали къ окнамъ, но спросонья не могли сообразить, въ чемъ дѣло. Страхъ ихъ, очевидно, еще больше увеличился, потому что не прошло и минуты, какъ всѣ они повыскакали изъ оконъ и бросились бѣжать безъ оглядки.

Когда уже ни одного дикаря не было видно, мы въ одинъ голосъ закричали: «ура!» и заиграли побѣдный маршъ.

Но тутъ случилось то, чего мы никакъ не ожидали: изъ оконъ хижины, встревоженные нашею игрою или, быть можетъ, привлеченные ею, выскочили цѣлые де-

сятки крысь, и падали какая въ трубу, какая на спину, какая на голову играющимъ. Произошелъ ужасный переполохъ. Микъ выхватилъ свой револьверъ и сталъ стрѣлять, но при этомъ упалъ на барабанъ, на которомъ игралъ

Дикари испуганно подбѣжали къ окнамъ...

Чи-ка-чи, и придавилъ, падая, одну крысу, а та стала страшно визжать. Чи-ка-чи, желая спастись отъ крысь, влѣзъ въ барабанъ, разорвавъ его кожу, а Вѣдунъ пытался устрашить крысь звуками трубы, но вскорѣ труба его перестала издавать звуки, потому что въ нее попали сразу двѣ крысы.

Все это продолжалось, къ счастью, недолго: разъ, два, три—и всѣ крысы куда-то исчезли, точно такъ же какъ исчезли дикари, и мы могли спокойно войти въ хижину, гдѣ тотчасъ же устроили себѣ ночлегъ.

Отдохнувъ въ покинутой дикарями избушкѣ и подкрѣпивъ свои силы оставленными ими припасами, мы

Крысы падали въ трубу, на спину, на голову играющимъ...

отправились осматривать островъ. Первымъ дѣломъ была осмотрѣна нами роща, находившаяся при домикѣ. Тамъ, между прочимъ, находился каменный ящикъ съ водой, гдѣ плавала, очевидно, пойманная дикарями и приготовленная ими къ обѣду рыба. Рикки не могъ удержаться, чтобы не заняться своимъ любимымъ дѣломъ—ловлею рыбы, и тотчасъ же закинулъ въ ящикъ свою удочку. Другіе лѣсные человѣчки въ это время

расхаживали по рощѣ, разговаривая и споря. Одинъ только Заячья-Губа усѣлся на землѣ. Онъ, какъ оказывается, очень усталъ. Дѣло въ томъ, что Заячья-Губа былъ большой любитель собиранія насѣкомыхъ и надѣялся въ захваченныя съ собой пустыя трубки набрать ихъ цѣлую груду.

Одинъ только Заячья-Губа усѣлся на землѣ...

Но какъ онъ ни искалъ въ рощѣ—ни одного насѣкомаго не нашель.

Въ то время, какъ мы всѣ такимъ образомъ спокойно проводили время, откуда-то издали послышалось странное жужжаніе.

Услыхаль это жужжаніе—я первый и, конечно, подняль крикъ.

Жужжаніе между тѣмъ становилось все громче и

громче. Не прошло и минуты, какъ на полянкѣ близъ рѣчки показалась цѣлая армія маленькихъ, черныхъ не то мухъ, не то пчелъ, которыя, быстро двигаясь по землѣ, направлялись прямо на насъ.

Среди малютокъ поднялся шумъ.

— Надо защищаться, это вѣроятно саранча! — закричалъ Знайка.

Началась страшная схватка...

Черныя существа между тѣмъ все больше и больше стали налегать на насъ. Еще минута—и они уже набросились на Микробку и другихъ. Началась страшная схватка... Вѣдунъ, Микъ, Чи-ка-чи и другіе стали отчаянно защищаться, кто руками, кто палками, кто—какъ Чи-ка-чи и Скокъ—саблями.

Чѣмъ кончилось бы это сраженіе—неизвѣстно, если бы вдругъ не задулъ сильный вѣтеръ: онъ поднялъ на воздухъ нашихъ враговъ и унесъ ихъ далеко.

Не успѣли мы отдохнуть и опомниться, какъ слѣдуетъ, отъ того, что произошло, какъ опять послышались какіе-то странные звуки, но въ этотъ разъ уже не жужжаніе, а дикіе крики.

— Знайка, да скажи же, что это такое?—спросилъ я.—Вѣдь ты все знаешь, значить, и это долженъ знать.

— Подожди,—отвѣтилъ Знайка.—Если я не ошибаюсь, это крикъ мартышекъ. Давайте спрячемся тамъ за этими высокими камнями и посмотримъ.

Въ одинъ мигъ мы опустились на колѣни и, спрятавшись за камнями, стали наблюдать.

Крикъ доносился все ближе и ближе, и вдругъ передъ нами появилась дѣлая толпа мартышекъ, маленькихъ и взрослыхъ. Онѣ перепрыгивали съ дерева на дерево, скакали по землѣ, кувыркались, дѣлали уморительную гимнастику и при этомъ кричали такъ пронзительно, что я счелъ нужнымъ заткнуть себѣ уши ватой (я ее всегда ношу, на всякій случай, въ жилетномъ карманѣ), такъ какъ боялся оглохнуть.

Мартышки, очевидно, замѣтили насъ и, какъ это почти всегда дѣлаютъ обезьяны, стали подражать намъ: спрятались съ другой стороны камней, выглядывая оттуда, точь въ точь какъ мы.

— Мы должны поймать всѣхъ этихъ мартышекъ,—сказалъ Микъ и уже приготовилъ веревку, чтобы набросить ее на ту мартышку, которая ближе всего подошла къ мѣсту, гдѣ мы прятались.

— А моя удочка не пригодится?—спросилъ Рикки.

Послышались странные звуки.

— Да, да, пригодится! — отвѣтилъ Микъ. — Она очень длинная, и ею мы будемъ отгонять другихъ мартышекъ.

Но мартышки очевидно смекнули въ чемъ дѣло и пустились въ бѣгство. А мы отправились дальше.

— Братцы-эльфы, собирайтесь въ путь-дорогу! — скомадовалъ рано утромъ Вѣдунъ. — Мы отправляемся обратно моремъ на тотъ островъ, откуда мы прибыли.

Собираться пришлось недолго. Особеннаго багажа — если не считать трубъ и барабановъ — у насъ вѣдь съ собою не было.

Предполагали мы, конечно, перебраться опять на нашихъ лодкахъ. Но — увы! — когда мы дошли до берега, лодокъ не оказалось. Кто ихъ взялъ, мы не знали. Матросикъ увѣрялъ, что это мартышки утащили наши лодки и катаются теперь въ нихъ по морю.

Къ счастью нашему, однако, на берегу оказалось огромное крытое судно, очевидно, оставленное второпяхъ дикарями. Оно было такъ просторно, что мы всѣ могли въ немъ удобно помѣститься: одни внутри, въ каютѣ, другіе на палубѣ, или, вѣрнѣе, на крышѣ.

— Это судно — китайское! — увѣрялъ Чи-ка-чи. — Я это знаю. У насъ много такихъ. Ихъ называютъ у насъ джонками и на нихъ живутъ у насъ, въ Китаѣ, рыбаки.

— Въ такомъ случаѣ, — предложилъ докторъ Мазь-Перемазь, — пусть Чи-ка-чи будетъ капитаномъ нашего судна.

— Да, кстати, здѣсь лежатъ и китайскія бамбуковыя весла, — замѣтилъ Микробка; — навѣрное Чи-ка-чи знаетъ, какъ грести этими веслами.

— Конечно знаю! — гордо заявилъ Чи-ка-чи.

Я выбралъ себѣ мѣсто въ каютѣ, вмѣстѣ съ Дѣдкою-Бородачемъ, Знайкою, Микробкою и Скокомъ. Мѣсто

было хорошее, и мы въ отверстіе, замѣняющее окно, могли видѣть все море. Я даже взялъ на время у Знайки его фотографическій аппаратъ и собирался снимать морскіе виды.

Чи-ка-чи скомандовалъ по-китайски: «впередь!» и наша джонка двинулась. Поплыла она, впрочемъ, очень

Мартышки очевидно замѣтили насъ...

медленно, несмотря на всѣ усилія Чи-ка-чи, который бѣгалъ по краямъ палубы со своимъ бамбуковымъ весломъ и кричалъ: «Ходу! Ходу! Скорѣе!»

Вдругъ Матросикъ, стоявшій у кормы нашей джонки, закричалъ:

— Смотрите! Смотрите! Къ намъ приближаются акулы!

— Нѣтъ, не акулы, а моржи, — поправиль его Микъ. — Моржей легко узнать по ихъ большимъ клыкамъ. Въ это время восемь огромныхъ морскихъ чудовищъ, съ раскрытыми пастьми съ заостренными страш-

Въ отверстіе, замѣняющее окно, мы могли видѣть все море...

ными клыками, приближались къ намъ, оглашая воздухъ ужаснымъ ревомъ.

На нашей джонкѣ поднялась тревога. Всѣ приготовились защищаться. Дѣдко-Бородачъ, вооружившись большою дубиною, сталъ отгонять самага большого моржа, въ то время какъ Скокъ угодилъ саблею прямо въ носъ чудовищу. Вѣдунъ желѣзною палкою отгонялъ другого моржа. Микъ наставилъ револьверъ прямо въ пасть третьяго.

Со всѣхъ сторонъ слышались крики. Особенно пронзительно кричалъ докторъ Мазь-Перемазь, котораго одинъ изъ моржей уже схватилъ было за полы фрака. Только благодаря удару весломъ, который былъ нанесенъ кѣмъ-то изъ насъ моржу, Мазь-Перемазю удалось спасти свой фракъ, а можетъ быть и свою жизнь.

Что касается меня, то хотя я не принималъ участія въ защитѣ противъ

Дѣдко Бородачь, вооружившись дубинкой, отгонялъ большого моржа...

моржей, но въ мое стеклышко такъ грозно смотрѣлъ на нашихъ морскихъ враговъ, что они должны были испугаться моего взгляда. И дѣйствительно, спустя нѣсколько минутъ, всѣ моржи скрылись въ пучинахъ морскихъ. Но одинъ изъ моржей, раненный Микомъ, опускаясь въ воду, съ такою силою ударилъ въ нашу джон-

ку, что она вся затрещала, а находившіеся на палубѣ чуть было не очутились въ водѣ. Китайца Чи-ка-чи удалось спасти только тѣмъ, что Вѣдунъ схватилъ его за косу, иначе онъ бы утонулъ.

Кто больше всего былъ опечаленъ этимъ происшествіемъ, — такъ это Рикки: въ то время какъ наша джонка медленно двигалась впередъ, онъ успѣлъ наловить нѣсколько рѣдкихъ морскихъ рыбъ, но вслѣдствіе удара моржа ему пришлось сдѣлать отчаянный прыжокъ, при чемъ всѣ пойманныя имъ рыбы опять очутились на свободѣ.

Наша джонка блестяще выдержала нападеніе моржей, и мы, успокоившись послѣ пережитой тревоги, опять пустились въ путь.

Спокойно двигалась наша джонка впередъ, все больше и больше приближаясь къ отдаленному берегу.

Такъ какъ джонку порядочно качало, то большинство малютокъ подъ эту качку заснуло крѣпкимъ сномъ.

Не спалъ только нашъ капитанъ Чи-ка-чи да тѣ изъ лѣсныхъ человѣчковъ, которые исполняли по очереди обязанности матросовъ и усердно работали бамбуковыми веслами. Не спалъ, кромѣ того, Вѣдунъ, такъ какъ онъ былъ избранъ караульщикомъ и обязанъ былъ ходить взадъ и впередъ по палубѣ и сторожить нашу джонку.

Я, Мурзилка, тоже не спалъ, потому что спать въ высокой шляпѣ, со стеклышкомъ въ глазу, въ узкихъ сапожкахъ и модномъ костюмѣ — очень неудобно. Кромѣ того, я боялся смять во снѣ мой костюмъ. Вѣдь не такъ-то легко найти на необитаемомъ островѣ портного, который могъ бы мнѣ его отутюжить и обновить!..

Среди полного спокойствія на нашей джонкѣ раздался громкій голосъ Вѣдуна:

— Карауль! Карауль! Къ намъ приближается страшное морское чудовище!

Въ одинъ мигъ всѣ были на ногахъ. Со всѣхъ сторонъ раздались визгъ и крики. Одни побѣжали на палубу, другіе столпились у окна каюты.

Когда я выглянулъ въ окно каюты, на очень близкомъ разстояніи отъ джонки показалась изъ воды огром-

Одинъ изъ моржей съ силою ударилъ въ нашу джонку...

ная голова чудовища, съ широко раскрытыми глазами. Высунувъ изъ пасти жало, чудовище страшно шипѣло.

— Это морская змѣя!—крикнулъ Знайка.—Берегитесь, если она ужалить, то будетъ плохо. Отъ укуса змѣи человекъ умираетъ!

Слова Знайки еще больше напугали всѣхъ. Пожалуй изъ всѣхъ лѣсныхъ человѣчковъ, находившихся на джонкѣ, не испугался одинъ только я. Правда, я не побѣжалъ,

какъ другіе, на палубу, а остался въ каютѣ, вмѣстѣ со Скокомъ, Микробкою, Незнайкою и нѣкоторыми другими. Но я остался вовсе не потому, что боялся, а потому, что мнѣ казалось гораздо интереснѣе смотрѣть изъ отверстія палубы на море и на то, какъ наши малютки справятся съ морскою змѣею. Но будь у меня ружье, я бы непременно подстрѣлилъ чудовище!

Между тѣмъ чудовище или змѣя, какъ его называлъ

Чудовище все ближе и ближе подходило къ нашей джонкѣ...

Знайка все ближе и ближе подходила къ нашей джонкѣ.

— Не бойтесь, братцы!—крикнулъ Микъ.—Я сейчас поймаю эту змѣю!—и онъ уже собрался бросить длинную веревку съ петлей на концѣ.

— Только стойте смирно,—продолжалъ Микъ,—а то вы такъ раскачали джонку, что мнѣ трудно попасть въ змѣю.

Когда, наконецъ, всѣ немного успокоились, Микъ скомандовалъ самъ себѣ:

— Разъ! Два! Три!

И затѣмъ изо всей силы бросилъ веревку по направлению къ змѣѣ.

Змѣя въ это время высоко вынырнула изъ воды, подняла свою длинную шею, свернула ее кольцомъ и презрительно посмотрѣла на Мика.

Трксъ!—и петля Мика очутилась на головѣ змѣи

Микъ бросилъ веревку...

— Ура!—закричалъ я громко.—Поймалъ!

Но оказалось не то: змѣя ловко нырнула въ воду и исчезла изъ нашихъ глазъ.

Мы уже думали, что змѣя окончательно скрылась, какъ вдругъ изъ воды опять показалась ея страшная голова.

Микъ вторично бросилъ веревку, но теперь петля

попала прямо въ цѣль, на голову змѣи, и очутилась на ея шеѣ.

Змѣя зашипѣла, завиляла хвостомъ, стала извиваться во всѣ стороны.

— Держи! Держи крѣпче!—закричалъ Микъ, стоя на краю палубы.

Всѣ остальные лѣсные человѣчки, стоявшіе тутъ же, схватились за веревку и стали тащить ее изо всѣхъ силъ.

— Тащи! Тяни!—командовалъ Микъ.

Змѣя шипѣла, высоко поднявъ хвостъ, затѣмъ быстро опустилась, выкативъ глаза.

— Ура!—закричали мы всѣ, сидѣвшіе въ трюмѣ, наблюдая, какъ змѣя погружается въ воду.

Чи-ка-чи ловкимъ ударомъ разрубилъ веревку, и змѣя упала на дно.

— Ура!—вторично повторили всѣ.

Мы были спасены

* * *

— Хочешь, Мурзилка, я прокачу тебя на моемъ конѣ?—предложилъ какъ-то рано утромъ Микъ и прибавилъ:—я выдрессировалъ ослика, точно цирковую лошадь, и онъ слушается каждаго моего слова.

Но я не особенно довѣрялъ этому смиренному коню, и когда Микъ предложилъ мнѣ сѣсть на его скакуна—я отказался.

— Боишься?—спросилъ Микъ.

— Нѣтъ, вовсе не боюсь, а только я не люблю ѣздить верхомъ,—отвѣтилъ я Мику.

Вмѣсто меня сѣли на осла вмѣстѣ съ Микомъ Вѣдунъ и Заячья-Губа.

— Вотъ, смотри, Мурзилка!—весело крикнулъ Микъ и ударилъ своего осла хлыстомъ.

Осель действительно покорно двинулся впередъ, но когда Микъ второй разъ угостилъ его хлыстомъ, онъ— какъ рванется, какъ прыгнетъ!

- Стой! Стой! Стой, говорятъ тебѣ!—кричалъ Микъ.
- Стой!—вторилъ Мику Вѣдунъ.
- Стой!—голосилъ Заячья—Губа.

Но осель не обращалъ вниманія на ихъ крики и неся впередъ, точно вихрь.

А тутъ еще, какъ на зло, на-

—Держи! Держи крѣпче!—вакричалъ Микъ, стоя на краю палубы...

летѣлъ такой ураганъ, что поднялъ осла вмѣстѣ съ его всадниками на воздухъ.

Не успѣли мы опомниться, какъ осель вмѣстѣ со своими всадниками очутился на верхушкѣ росшаго у дороги дерева.

— Вотъ такъ «спокойный конь!»—вырвалось у меня.

Осель между тѣмъ, застрявъ вверхъ ногами въ вѣтвяхъ дерева, сталъ барахтаться и ревѣть.

— Братцы, помогите намъ спустить коня!—закричалъ Микъ и, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:—Полѣзай, Мурзилка, сюда, вотъ тебѣ вожжи, держи ихъ.

Но я отказался.

Другіе вмѣсто меня полѣзли на дерево. Микъ, привязавъ веревку ослу къ ногамъ и къ шеѣ, самъ усѣвшись на него, командовалъ:

— Ну, братцы, тихонько спускайте!

Ураганъ поднялъ ослѣ вмѣстѣ съ его всадниками на воздухъ...

Ослу, очевидно, хотѣлось поскорѣе очутиться на землѣ: какъ ни кричалъ Микъ «тише! тихонько!», онъ такъ и рвался впередъ.

Съ большимъ трудомъ, при дружныхъ усиліяхъ малютокъ, удалось, наконецъ, спустить ослѣ на землю.

Это было послѣднее приключеніе на необитаемомъ островѣ, такъ какъ вскорѣ послѣ этого мы уѣхали съ острова.

— Полно, братцы, все на одномъ и томъ-же островѣ сидѣть: пора опять по свѣту прокатиться, другіе края повидать, да и себя показать.

Такъ говорилъ Дѣдко-Бородачъ, когда мы однажды

Осель вмѣстѣ со всадниками очутился на верхушкѣ дерева...

собрались на лужайкѣ съ цѣлью обсудить что намъ дѣлать.

Предложеніе Дѣдки-Бородача очень понравилось всѣмъ. Единогласно было рѣшено отправиться въ путь въ одинъ изъ ближайшихъ дней.

— Чи-ка-чи,—обратились всѣ къ нашему китайцу,—

приготовь джонку къ отплытію: мы отправимся на ней въ дальнѣйшее путешествіе.

— Чингъ! чангъ! чунгъ!—отвѣтилъ, радостно чмокая, китаецъ.—Джонка готова: можемъ отправиться хоть сегодня.

Съ большимъ трудомъ удалось спустить осла на землю...

Сборы были недолгіе, и уже на слѣдующее утро мы отправились въ путь.

Безъ всякихъ особенныхъ на этотъ разъ приключеній наша джонка доставила насъ, спустя три дня, къ берегу какой-то неизвѣстной намъ страны.

— Гдѣ мы находимся?—былъ первый мой вопросъ, когда джонка причалила. Но даже Знайка не могъ отвѣтить на мой вопросъ.

Привязавъ крѣпко нашу джонку, мы высадились на берегъ.

— Знаете, куда мы попали?—спросилъ Микъ и, указывая на какихъ-то людей, толпившихся около двухъ хижинъ, сказалъ:

— Знаете, куда мы попали?—спросилъ Микъ...

— Мы попали къ китайцамъ!

— Къ китайцамъ?—переспросилъ Индѣецъ.—Неужели?

— У меня глаза хорошіе и, кромѣ того, я ношу очки, такъ что я сразу разглядѣлъ, что эти люди именно китайцы.

Едва онъ сказалъ это, какъ Знайка опустился на землю и наставилъ свой фотографическій аппаратъ на толпу. Индѣецъ и докторъ Мазъ тоже опустились на

землю и стали присматриваться, какъ Микъ готовился снимать китайцевъ.

— Рикки, Вѣдунъ, Дѣдко-Бородачъ, смотрите сюда!— закричалъ Микъ.

Всѣ отозвались на крикъ Мика.

Но Рикки и не повернулся: онъ замѣтилъ какой-то бассейнъ съ водою на берегу и уже опустилъ свою удочку, чтобы поймать плававшихъ въ немъ рыбъ. Дѣдко-Бородачъ и Вѣдунъ внимательно наблюдали, какъ онъ тащилъ свою удочку.

Между тѣмъ Знайка сталъ объяснять, что китайцы ужасно не любятъ «чужихъ», т. е. не-китайцевъ, и что они, замѣтивъ насъ, пожалуй перебьютъ всѣхъ.

— Въ такомъ случаѣ намъ надо переодѣться китайцами, — рѣшилъ Заячья-Губа.

— Да, да, вѣрно, — подтвердили остальные.

Въ китайской джонкѣ, на которой мы приплыли къ берегу острова, было много тюковъ и ящиковъ съ китайскими надписями.

Мы вскрыли эти тюки. Въ нихъ оказалась разная китайская одежда и, между прочимъ, нѣсколько десятковъ поддѣльныхъ косъ, — очевидно для тѣхъ китайцевъ, у которыхъ почему-либо не выросли собственные косы.

— Давайте, скорѣе вырядимся въ китайскіе костюмы! — предложилъ Вѣдунъ.

— Да, да, вырядимся! — слышалось въ отвѣтъ.

И вскорѣ всѣ, переодѣтые китайцами, уже стояли на берегу.

Только я одинъ долго не могъ одѣться, потому что между китайскими кафтанами не нашлось ни одного, который былъ бы мнѣ впору, а китайскіе башмаки съ деревянными подошвами мнѣ ужасно не нравились. Пока

другимъ плели косы, а Знайка снималъ съ cadaго по очереди по карточкѣ,—я все-таки успѣлъ переодѣться китаецемъ, даже придѣлалъ себѣ настоящую китайскую косу. Но странно: въ то время, какъ у всѣхъ косы спускались внизъ, моя коса оказалась ужасно упрямою и торчала все кверху...

И вскорѣ всѣ, переодѣтые китаецями, стояли уже на берегу...

— Ну, братцы, идите впередъ,—скомандовалъ Микъ.

— Я двинулся въ числѣ первыхъ. За мною шель Микробка, изображавшій китайскаго торговца рыбою и овощами, хотя онъ никакъ не могъ поладить съ двумя корзинами, привязанными, по китайскому обычаю, къ длинной палкѣ. За нимъ слѣдовали другіе.

— Живѣ! Живѣ!—командовалъ Микъ, поднимая кнутъ.

Очевидно мы были совсѣмъ похожи на китаецевъ,

потому что настоящіе китайцы, работавшіе недалеко на полѣ, даже не обратили на насъ вниманія.

Дойдя до ближайшей хижины, мы остановились, отдохнули, а затѣмъ по обыкновенію стали искать, нѣтъ ли въ этой хижинѣ чего-нибудь интереснаго. Искать пришлось недолго: на порогѣ хижины было разложено

Я двинулся въ числѣ первыхъ...

китайское вооруженіе: щиты, сабли, разные головные уборы, знамена и пр., и пр. Тутъ же лежали китайскія носилки, на которыхъ въ Китаѣ носятъ важныхъ сановниковъ. Кромѣ того у порога стоялъ небольшой осель, на которомъ было надѣто вышитое золотомъ сѣдло.

— Очевидно, все это приготовлено для торжественной встрѣчи какого-нибудь важнаго мандарина, т.-е. сановника, — пояснилъ Знайка.

— Вотъ мы и устроимъ шествіе, — заявилъ Дѣдко-Бородачъ.

И многіе изъ насъ, малютокъ, стали уже готовиться къ шествію, въ то время какъ Чи-ка-чи приводилъ въ порядокъ носилки, а Микъ готовился усѣсться на осла.

Когда все было готово, Скокъ по знаку, данному

Впереди шелъ Скокъ съ трубою, за нимъ верхомъ на ослѣ ѣхалъ Микъ...

Микомъ, затрубилъ въ длинную трубу, и шествіе двинулось въ путь.

Впереди шелъ Скокъ съ трубою, за нимъ верхомъ на ослѣ ѣхалъ Микъ, изображавшій китайскаго генерала, а за нимъ, въ качествѣ оруженосца, — Знайка. Далѣе слѣдовали носилки. Рикки усѣлся на носилкахъ, поддерживаемыхъ четырьмя малютками-носильщиками. Онъ заявилъ, что будетъ считаться отнынѣ мандариномъ, т. е. важнымъ китайскимъ сановникомъ. Передъ носилками мандарина, т. е. Рикки, шелъ Микробка, держа въ

рукахъ большую китайскую грамату и громко выкрикивая:

— Сторонитесь! Сторонитесь! Великій мандаринъ ѣдетъ!..

Носилки окружали со всѣхъ сторонъ оруженосцы, со знаменами и ружьями.

Носилки окружили оруженосцы со знаменами и ружьями..

На другихъ носилкахъ попроще умѣстился я, Мурзилка. Но эти носилки оказались ужасно неудобными: это были просто корзины, прикрѣпленные веревками къ бамбуковой палкѣ,—и когда Чи-ка-чи и Микробка подняли палку,—я чуть было не закричалъ. Такъ мнѣ было неудобно сидѣть.

Но все-таки пѣшкомъ я идти не могъ—на мнѣ были надѣты ужасно некрасивыя китайскія туфли съ высокими деревянными подошвами, которыя давили мнѣ ноги. И мнѣ волей-неволей пришлось примириться съ неудобнымъ сидѣніемъ въ корзинѣ.

Шествіе двигалось быстро впередъ. Всѣ были очень довольны. Только мнѣ, несчастному, все труднѣе и труднѣе становилось сидѣть въ очень неудобной корзинѣ. Я стоналъ, вертѣлся во всѣ стороны, стараясь помѣститься поудобнѣе — но все было напрасно.

Наконецъ, я не вытерпѣлъ и закричалъ:

— Остановитесь! Остановитесь! А то я въ этихъ носилкахъ превращусь совсѣмъ въ котлетку...

Носильщики уронили носилки...

Такъ какъ эти слова были произнесены мною не по-китайски, то на мои крики не обращали вниманія.

Не прошло и десяти минутъ, какъ Микъ замѣтилъ, что за нами погнались настоящіе китайцы. Онъ выстрѣлилъ изъ револьвера и крикнулъ:

— Берегитесь! Спасайтесь!

Всѣ бросились бѣжать. Носильщики уронили при этомъ носилки, и нашъ мандаринъ Рикки, вмѣстѣ съ носильщиками, очутился на землѣ.

— Это совсѣмъ не по-китайски!—кричалъ сердито Чи-ка-чи.—Если-бъ у насъ, въ Китаѣ, были такіе скверные носильщики, ихъ бы сейчасъ наказали бамбуковыми палками,—продолжалъ онъ.

Кое-какъ поднявъ носилки и усадивъ опять Рикки, всѣ снова пустились бѣжать. Но носильщикамъ, очевидно, не подъ силу была тяжелая ноша: они опять споткнулись.

Между тѣмъ крики преслѣдовавшихъ насъ настоящихъ китайцевъ раздавались все ближе и ближе. Тогда мы, бросивъ носилки, ружья и знамена, всѣ обратились въ бѣгство.

Бѣжалъ и я, хотя мои китайскіе башмаки ужасно стучали, и я то и дѣло спотыкался и падалъ.

Но вотъ мы, наконецъ, добрались до берега, вскочили всѣ въ джонку и спустя три минуты уже были въ открытомъ морѣ.

Послѣ этого приключенія мы рѣшили, что въ китайцы мы, лѣсные человѣчки, не годимся. Снявъ костюмы, мы сложили ихъ опять въ джонку и продолжали путь уже въ нашихъ собственныхъ костюмахъ.

* * *

— Что это не видать ни Мика, ни Рикки, ни Заячьей-Губы?—спросилъ какъ-то утромъ Микробка.

— Они заняты дѣломъ,—отвѣтилъ Знайка и улыбнулся.

— Какимъ дѣломъ?—пристали къ нему остальные.

Знайка долго не хотѣлъ сказать. Онъ все повторялъ:

— Это тайна! Вскорѣ вы все узнаете...

Наша компанія удовольствовалась этимъ отвѣтомъ, но я рѣшилъ во что бы то ни стало узнать, что это за тайна, которую отъ насъ скрываютъ.

И я узналъ!

Узналъ отъ самого Мика.

— Мы съ Рикки занялись дрессировкою большихъ птицъ, которыя живутъ на этомъ островѣ, — сказалъ онъ мнѣ.

— Дрессировкою? Это что за штука такая дрессировка? — спросилъ я.

— Дрессировка, — пояснилъ Микъ, — это обученіе животныхъ.

Носильщики опять уронили носилки...

Видалъ ты, какъ обучаютъ собакъ прыгать черезъ обручъ, охотиться за птицами, приносить разныя вещи и т. п.?

— Видалъ.

— Такъ вотъ, мы съ Рикки занялись дрессировкою птицъ: желаемъ пріучить ихъ замѣнять намъ лошадей, возить насъ въ саночкахъ и даже попробуемъ научить ихъ возить насъ по водѣ: запряжемъ ихъ въ лодки и заставимъ тащить эти лодки по водѣ.

— Вотъ какъ! И ты не шутишь?

— Нѣтъ, вотъ завтра увидишь.

Дѣйствительно, на слѣдующій день Микъ съ Рикки вывели на лужайку огромныхъ птицъ.

— Вотъ наши дрессированныя птицы! — сказалъ онъ.

Спустя нѣсколько минутъ, Рикки громко крикнулъ Скоку:

— Притащи-ка мои сани!

Скокъ немедленно принесъ ма-

— Вотъ наши дрессированныя птицы!...

ленькія саночки, сдѣланныя самимъ Рикки изъ тростника. Рикки запрягъ птицу въ эти саночки, протянулъ ей въ клювъ веревку, точно вожжи, усѣлся въ свои саночки и, держа въ рукахъ длинную удочку, вмѣсто хлыста, крикнулъ:

— Пошелъ!

Птица послушно двинулась впередъ, сначала медленно шагая по землѣ, а затѣмъ, взмахнувъ крыльями, пустилась бѣжать съ такою быстротою, что Рикки едва могъ ее удержать.

Вслѣдъ за тѣмъ и другія птицы были точно такъ же запряжены въ маленькія самодѣльные саночки и колясочки.

Мы всѣ съ удивленіемъ смотрѣли, какъ Рикки, Микъ, Заячья-Губа, Дѣдко-Бородачъ, Вѣдунъ и нѣкоторые другіе катались на своихъ дрессированныхъ птицахъ.

Рикки усѣлся въ свои саночки и крикнулъ:—Пошесть!..

— Подождите, завтра мы вамъ еще не то покажемъ! — хвасталъ Микъ. — Завтра мы по водѣ проѣдемся!

На слѣдующее утро Микъ спустилъ въ воду лодку очень страннаго вида. На лодкѣ стояло прикрѣпленное къ ней деревянное чучело лошади, на которое Микъ усѣлся верхомъ, точно на настоящую лошадь, привязавъ раньше къ лодкѣ на длинной веревкѣ большую птицу.

— Я привыкъ всегда ѣздить верхомъ, какъ настоящій всадникъ, и потому соорудилъ себѣ лодку наподобіе коня, — пояснилъ Микъ.

Птица, запряженная въ Микину лодку, все время мирно стояла на берегу.

Но достаточно было Микѣ свистнуть, какъ она взвилась на воздухъ.

— Смотри, Микъ, она унесетъ тебя въ облака, — крикнулъ я ему.

Но Микъ только улыбнулся.

— Нѣтъ, я все предусмотрѣлъ и привязалъ птицѣ къ ногамъ двѣ гири, такъ что она высоко не можетъ подняться и будетъ все время летать надъ водою. Но чтобъ она все-таки не поднялась слишкомъ высоко, у меня въ рукахъ вожжи, и я ими придерживаю моего воздушнаго скакуна.

Дѣйствительно, конь-лодка Мика плавно и тихо двигалась по водѣ.

Менѣе удачны были полеты доктора Мазь-Перемазя и другихъ: пущенныя ими на воздухъ птицы сразу поднялись высоко и чуть было не свалили въ воду своихъ всадниковъ.

Но въ этотъ разъ все обошлось благополучно.

— Знаете что, братцы, — предложилъ вдругъ Микъ, — устроимъ-ка мы гонки при помощи нашихъ птицъ. Кто первый доберется до противоположнаго берега, тому мы дадимъ призъ.

— Ура! — закричали всѣ.

И мы тотчасъ принялись дрессировать остальныхъ птицъ, строить лодки-саночки и вообще готовиться къ гонкамъ.

Я, конечно, очень усердно распоряжался.

Въ назначенный часъ всѣ участвующіе въ гонкѣ собрались на берегу. Въ первыхъ саночкахъ помѣстился Рикки, въ слѣдующихъ—Знайка и Скокъ, въ третьихъ—я, Мурзилка, и Микробка. Затѣмъ слѣдовалъ Микъ на своемъ конѣ-лодкѣ, Заячья-Губа и другіе. Докторъ Мазь-

Конь-лодка Мика плавно и тихо двигалась по водѣ...

Перемазь, не доставъ лодки, сѣлъ на простое бревно и привязалъ къ нему свою птицу.

— Готово?—спросилъ Микъ, когда уже всѣ собрались.

— Готово!—отвѣтили мы въ одинъ голосъ.

Тогда Микъ выстрѣломъ изъ револьвера далъ сигналъ, т.-е. знакъ, что гонка началась и что всѣ должны тронуться.

Тутъ произошло то, чего никто не ожидалъ.

Напуганная выстрѣломъ птицы сразу поднялись въ воздухъ и понеслись быстро впередъ.

Но такъ какъ къ ногамъ всѣхъ птицъ были привязаны гири, то онѣ не могли долго удержаться высоко

Птица летѣла, не обращая никакого вниманія на крики сѣдока...

въ воздухъ и скоро начали спускаться все ниже и ниже. При этомъ, однако, онѣ летѣли съ такой быстротою, что и Микъ, и Мазъ-Перемазъ, и Рикки, да и всѣ мы очутились среди волнъ.

— Стой! Стой! Стой! — кричалъ Микъ, но его птица летѣла, не обращая никакого вниманія на крики сѣ-

дока, и подняла его опять на воздухъ вмѣстѣ съ его конемъ-лодкой.

Точно бѣшенныя летѣли птицы, не слушаясь нисколько насъ, гонщиковъ. А между тѣмъ мы едва держались: насъ такъ и бросало волнами то въ одну, то въ другую сторону.

Въ водѣ показались акулы и другія хищныя рыбы...

На бѣду въ водѣ показались акулы и другія хищныя рыбы и погнались за нами. Еще минута-двѣ, и мы навѣрное были бы съѣдены морскими хищниками. Одна рыба, съ ужасно длиннымъ ртомъ, уже успѣла даже схватить коня Мика, принявъ его вѣроятно за настоящаго. Нѣкоторые изъ гонщиковъ не удержались и попадали въ воду. Но къ счастью, берегъ оказался близко и волнами всѣхъ насъ выбросило на землю.

Первое слово, которое я произнесъ, когда мы очутились на землѣ, было:

— Живъ ли я, Мурзилка, или мертвъ?

Рикки съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ:
— Наполовину ты живъ, наполовину мертвъ...

* * *

Продолжая наше странствованіе, мы попали на Вол-
чій островъ.

Слышали вы когда-нибудь про

Рыба уже успѣла схватить коня Мика...

такой островъ? Нѣтъ? А вотъ есть такой островъ въ
Америкѣ. По крайней мѣрѣ такъ его назвалъ Микъ, а
назвалъ по тому, что на этомъ островѣ водится беско-
нечное число волковъ.

Когда мы послѣ многихъ странствованій высадились
на берегъ этого острова, то первое, что бросилось намъ

въ глаза, былъ столбъ съ доской. На доскѣ была нарисована волчья голова съ такой надписью:

5 долларовъ за каждого убитаго волка.

— Долларъ—это американская монета, на наши деньги почти два рубля,—произнесъ Микъ, прочитавъ надпись.—Значить здѣсь, на этомъ островѣ, можно разбогатѣть, занявшись охотою,—прибавилъ онъ.

— Что-же, дѣло хорошее. Займемся охотою на волковъ...

— Разсказывай сказки!—возразилъ Вѣдунъ.—Кому охота платить за убитаго волка? Кому онъ нуженъ? Даже шубы изъ волчьяго мѣха не сошьешь...

— Что ты! Что ты!—замѣтилъ Заячья-Губа.—Развѣ волки мало вреда приносятъ? Сколько они барановъ перегрызутъ, сколько людей поѣдятъ! Вотъ потому, очевидно, начальство этого острова и рѣшило предложить по пяти долларовъ за каждого убитаго волка, чтобы люди истребляли побольше этихъ вредныхъ звѣрей.

— Что же, дѣло хорошее, — подтвердилъ Вѣдунъ. — Займемся и мы охотой на волковъ.

Не откладывая дѣла, мы тотчасъ же принялись вооружаться, кто чѣмъ попало; одинъ — топоромъ, другой — пикою, третій — саблею. Микробка же надѣлъ на себя щитъ, точно плащъ, надѣясь, что этимъ онъ спасетъ себя отъ кровожадныхъ волковъ, въ случаѣ ихъ нападенія.

Микъ, самъ вооружившись револьверомъ, предложилъ мнѣ второй запасной свой револьверъ.

— Смотри, Мурзилка, — сказалъ онъ, — стрѣлай только въ волковъ и не попади случайно себѣ въ кончикъ носа: за это тебѣ пяти долларовъ не дадутъ.

Замѣчаніе Мика всѣхъ размѣшило. Что касается меня, Мурзилки, то я уже хотѣлъ было обидѣться, какъ вдругъ Индѣецъ шепнулъ:

— Тсс! Волки идутъ!

Мы смѣло двинулись впередъ, раздѣлившись на два отряда.

Въ первомъ отрядѣ находился я и, по обыкновенію, храбро сталъ въ первые же ряды.

— Вотъ, пойдѣмъ по этимъ слѣдамъ, — предложилъ Индѣецъ, указывая на слѣдъ волчьихъ ногъ на землѣ.

Мы двинулись.

Но едва сдѣлали мы нѣсколько шаговъ, какъ прямо передъ нами показалась цѣлая стая волковъ. Они широко открыли глаза, еще шире пасти и, показывая намъ огромные зубы, точно хотѣли насъ всѣхъ съѣсть, ужасно завыли.

— Стрѣлай! — скомандовалъ Микъ.

Грянулъ выстрѣлъ.

Мнѣ казалось, что это я выстрѣлилъ, но, нѣтъ, — это выстрѣлилъ изъ своего ружья Скокъ.

Волки, очевидно, испугались выстрѣла и пустились бѣжать, ловко перескакивая черезъ огромные кусты.

Наши человѣчки съ громкимъ крикомъ, высоко поднимая свои пики и сабли, погнались за ними. Я не побѣжалъ съ другими, а сталъ у высокой пальмы и, зарядивъ револьверъ, рѣшилъ ждать, пока

— Пойдемъ по этимъ слѣдамъ,—предложилъ Индѣецъ...

какой-нибудь волкъ вздумаетъ подойти. Тогда я тутъ же уложилъ бы его на мѣстѣ.

Но волки бѣжали безъ оглядки, и ни одинъ изъ нихъ не захотѣлъ помочь мнѣ получить пять долларовъ.

Бѣжали они прямо къ берегу и, достигнувъ его, наконецъ, стали на нашихъ глазахъ прятаться въ дупло ствола лежавшаго тамъ огромнаго дерева.

— Вотъ такъ штука! Ловко спрятались!—произнесъ Знайка.

— Ничего! Мы ихъ всѣхъ сразу поймаемъ!—отвѣтилъ Микъ.—Пускай только спрячутся.

Волки пустились бѣжать...

Когда всѣ волки крѣпко засѣли въ дуплѣ, Микъ быстро скомандовалъ:

— Ну, братцы, теперь скорѣе! Заткнемъ оба отверстия дупла, чтобы волки не могли убѣжать.

Мы, не медля ни минуты, принялись за дѣло.

Въ одинъ мигъ дупло съ двухъ сторонъ было тщательно забито толстыми сучьями.

— Что же теперь?—спросилъ я, прислушиваясь къ вою засѣвшихъ въ дуплѣ волковъ.

— Теперь,—отвѣтилъ Микъ,—давайте сдвинемъ стволъ съ волками прямо въ воду. Волки тамъ всѣ задохнутся,

Волки стади на нашихъ глазахъ прятаться въ дупло...

и мы сразу получимъ награду за всѣхъ истребленныхъ нами волковъ.

— Ну, двигайте!—скомандовалъ я.—Живѣе! Я помогу вамъ. Разъ, два, три...

Общими силами шести человѣчковъ стволъ былъ сдвинуть съ мѣста и бултыхнулся въ воду.

Но тутъ произошло то, чего мы не ожидали. Какъ только стволъ съ волками скатился въ воду, раздался какой-то странный шумъ, точно кто-то засверлилъ толстую кору, и, спустя нѣсколько минутъ, въ разныхъ мѣстахъ спущеннаго на воду ствола оказались отверстія, а въ нихъ—головы волковъ. Оказывается, волки про-

Въ одинъ мигъ дупло съ двухъ сторонъ было тщательно заколочено...

грызли отверстія, чтобъ не задохнуться. Затѣмъ они преспокойно вылѣзли наружу, усѣлись на стволѣ, точно въ лодкѣ, и будто съ насмѣшкой посмотрѣли на насъ, стоявшихъ у берега.

— Пли!—скомандоваль опять Микъ.

Въ этотъ разъ сразу раздались два выстрѣла... Второй выстрѣлъ былъ мой. Я стрѣлялъ, стоя у высокой пальмы. Мой выстрѣлъ былъ такой оглушительный, что я самъ чуть было не упалъ. Но волкамъ наши выстрѣлы

не причинили никакого вреда. Стволъ съ сидѣвшими на немъ волками былъ уже далеко отъ берега и, наконецъ, совсѣмъ исчезъ съ нашихъ глазъ. Такъ мы и не истребили ни одного волка и не заработали ни одного доллара.

— А знаете что?—замѣтилъ вдругъ Микъ, внимательно всматриваясь вдаль.—Мнѣ кажется, что эти волки спря-

Волки прогрызли отверстія...

тались отъ насъ на дно морское. Не спустится ли намъ за ними? Вотъ была бы потѣха-то, если бы мы ихъ поймали!

Предложеніе Мика всѣ встрѣтили съ большимъ восторгомъ.

— Но какъ-же мы спустимся на морское дно?—спросилъ Незнайка.

— Очень просто,—отвѣтилъ Дѣдко-Бородачъ.

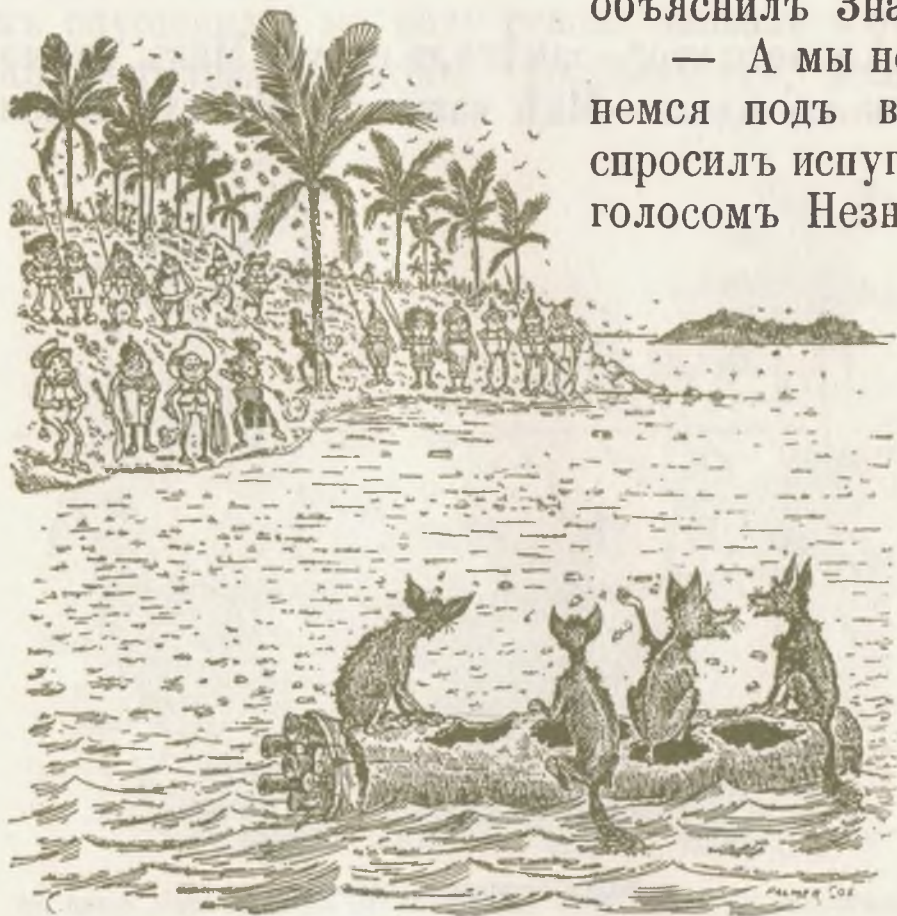
— Мы одѣнемъ костюмы водолазовъ.

Незнайка широко раскрылъ ротъ.

— Какихъ такихъ водолазовъ?—спросилъ онъ

— Людей, которые спускаются подъ воду чинить корабли, искать разбитые обломки судовъ и т. п.,— объяснилъ Знайка.

— А мы не задохнемся подъ водою?—спросилъ испуганнымъ голосомъ Незнайка.

Стволъ съ сидѣвшими на нихъ волками былъ уже далеко отъ берега...

— Вотъ мы для этого и надѣнемъ особый непромокаемый костюмъ водолазовъ, а на голову—шаръ съ двумя стеклянными круглыми окошечками для глазъ. Этотъ шаръ у водолазовъ соединенъ трубкою съ приборомъ надъ водою; приборъ и даетъ возможность дышать и не задохнуться.

— Откуда же мы возьмемъ такой приборъ и такой костюмъ?—спросилъ я.

— Тутъ у берега стоитъ судно водолазовъ. Я его давно замѣтилъ и знаю, что тамъ найдутся костюмы для всѣхъ насъ,—отвѣтилъ Дѣдко-Бородачъ.

Спустя какой-нибудь часъ времени мы уже спустились на дно морское, одѣтые въ костюмы водолазовъ.

При этомъ, въ первую же минуту, со мною чуть не случилось несчастье.

Микъ во-время успѣлъ направить свой револьверъ на хищную рыбу и убилъ ее...

Дѣло въ томъ, что морскія рыбы, замѣтивъ и какъ мы спускаемся, очень недружелюбно приняли насъ, а одна рыба съ очень длиннымъ клювомъ уже собиралась перегрызть прикрѣпленную къ шару трубку, на которой я спустился въ воду. Да, вдобавокъ, вокругъ моихъ ногъ обвилась морская змѣя. И я уже начиналъ задыхаться. Еще секунда—и Мурзилка погибъ бы въ пучинѣ морской. Но, къ счастью, Микъ во-время успѣлъ направить свой револьверъ на хищную рыбу и убилъ

ее на мѣстѣ раньше, нежели она успѣла перегрызть трубку. Я былъ спасенъ.

Послѣ этого приключенія мы рѣшили подняться опять на воздухъ, тѣмъ болѣе, что волковъ на днѣ морскомъ не оказалось. Какъ только Знайка снялъ подъ водою своимъ фотографическимъ приборомъ портретъ нѣсколькихъ рыбъ, мы стали подниматься наверхъ. Не обошлось при этомъ безъ приключеній: я и Фунтикъ перекувырнулись внизъ головой и запутались въ резиновыхъ трубкахъ.

Очутившись опять на землѣ, я долго не могъ придти въ себя. Мнѣ все казалось, что я нахожусь еще подъ водою, и я дѣлалъ разныя движенія руками и ногами, точно защищаясь отъ морскихъ рыбъ. Когда ко мнѣ подошелъ докторъ Мазь-Перемазь, я его тоже принялъ за рыбу и сталъ отгонять его тросточкой.

— Надо скорѣе снять съ Мурзилки скафандру,— услышалъ я вслѣдъ затѣмъ голосъ Знайки и тутъ же вопросъ Микробки:

— А что такое скафандра?

— Такъ называется непромокаемая одежда водолазовъ,—объяснилъ Знайка въ то время, какъ другіе старались снять съ меня сначала тяжелый головной уборъ со стеклянными кружками, замѣнявшими очки, а затѣмъ и остальные части водолазнаго костюма.

Вдохнувъ въ себя свѣжій воздухъ, я первымъ дѣломъ сказалъ:

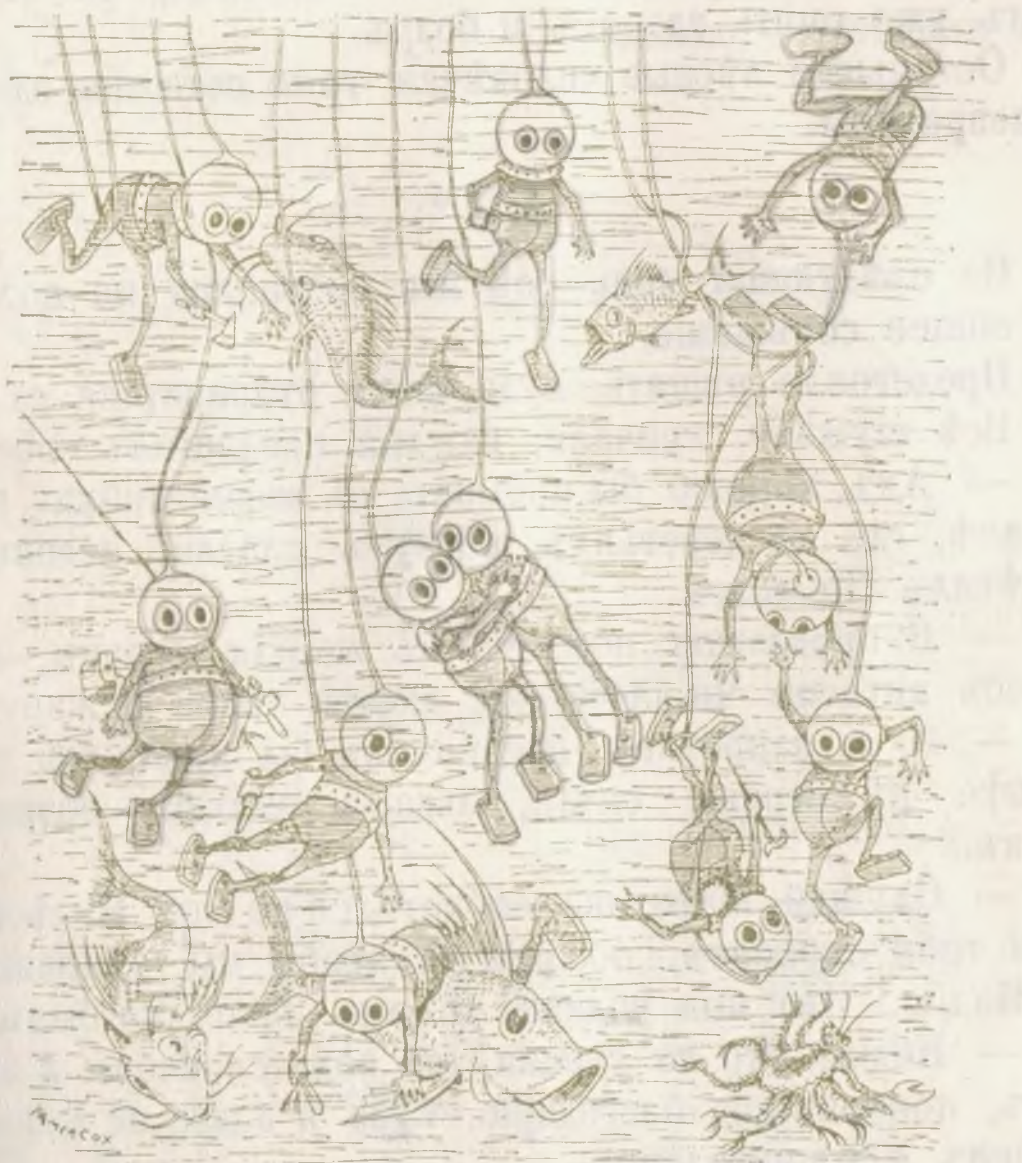
— Какъ хотите, а я никогда больше не стану спускаться на дно морское.

Сказавъ это, я упалъ въ обморокъ.

Что было дальше, я помню, какъ во снѣ: помню, что докторъ Мазь-Перемазь давалъ мнѣ нюхать какое-то

лекарство, Скокъ обтиралъ мнѣ голову водой, Заячья-
Губа вливалъ въ ротъ микстуру.

Я и Фунтикъ запутались въ резиновыхъ трубкахъ...

Какъ я потомъ узналъ, долго возились со мною лѣс-
ные человѣчки и даже думали, что не удастся привести
меня въ чувство.

Больше всѣхъ горевалъ Микробка. Онъ повторялъ:

— Погибъ Мурзилка, погибъ... Какъ же мы, лѣсные человѣчки, останемся безъ Мурзилки.

Но .. я не погибъ и въ тотъ же день, къ вечеру, былъ уже опять здоровъ и бодръ.

Остальные лѣсные человѣчки тоже остались здоровы и невредимы.

* * *

На слѣдующій день всѣ мы собрались на полянкѣ на общее совѣщаніе.

Предстояло рѣшить, куда намъ отправиться дальше. Всѣ шумѣли, кричали; каждый предлагалъ свое.

— Ахъ, хорошо бы побывать въ какой-нибудь новой странѣ, гдѣ на деревьяхъ растутъ сладкіе леденцы,— замѣтилъ Прыжокъ.

— Я предлагаю поѣхать въ жаркія страны,— произнесъ китаецъ Чи-ка-чи.— Я люблю тепло и жару.

— А я, напротивъ, предпочелъ бы край, гдѣ похолоднѣе, въ страны снѣга, льда и мороза—возразилъ Скокъ.

— Слушай, Мурзилка,—обратился ко мнѣ Индѣецъ,— если тебя спросятъ, посоветуй, чтобы мы отправились въ Индію. Это моя родина. Я тамъ давно не былъ.

— Индія? Это та страна, гдѣ водятся слоны и змѣи? Нѣтъ, покорнѣйше благодарю. Туда я вовсе не желаю,— заявилъ я рѣшительно.

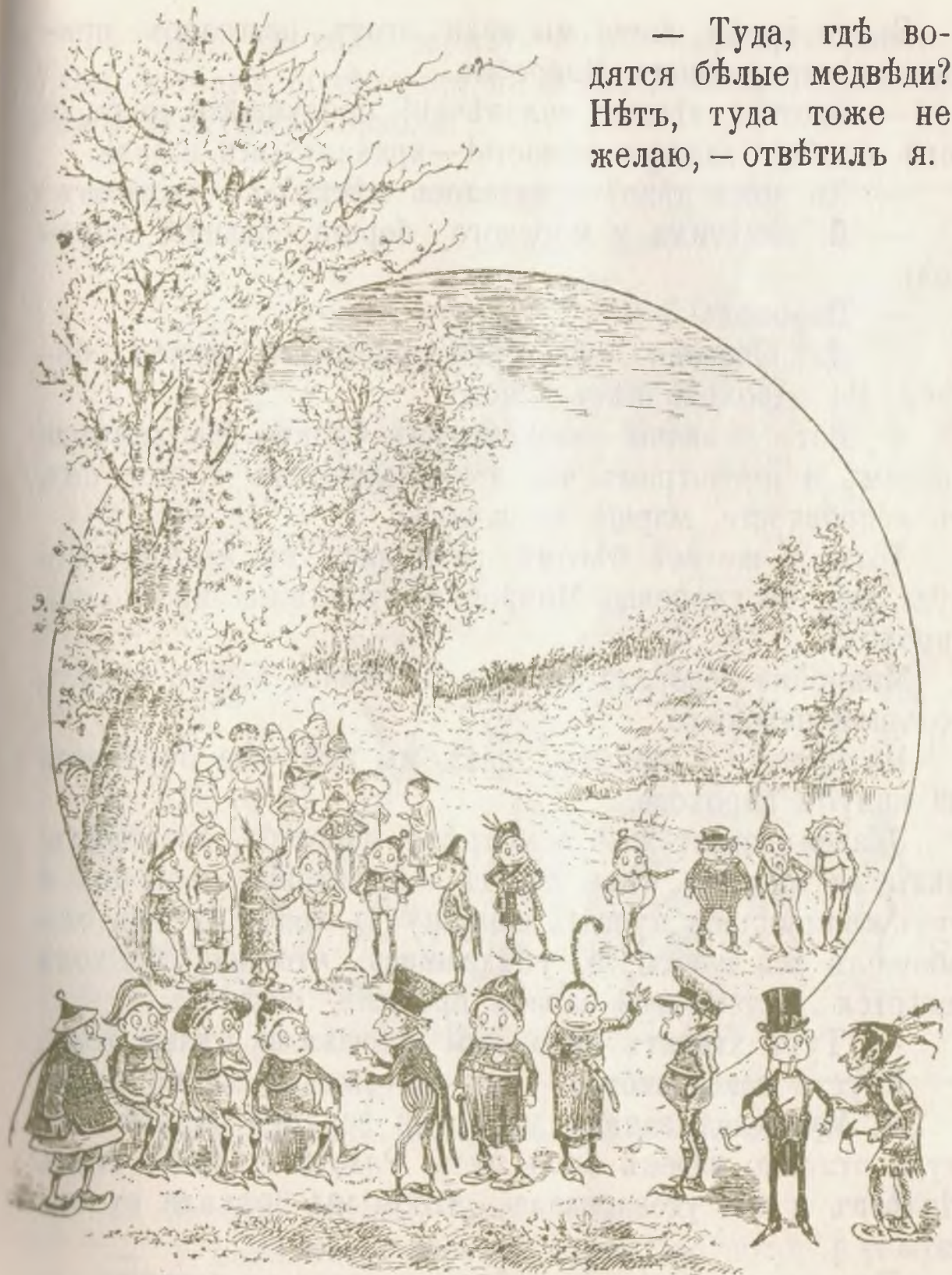
— Неужели ты, Мурзилка-храбрецъ, боишься слоновъ и змѣй?—сказалъ Индѣецъ.

— Мурзилка никогда и ничего не боится—отвѣтилъ я,—а только въ Индію я ѣхать не желаю.

— Поѣдемъ лучше на Новую Землю,—предложилъ Заячья Губа, слышавшій нашъ разговоръ.

— Туда, гдѣ водятся бѣлые медвѣди?
Нѣтъ, туда тоже не желаю, — отвѣтилъ я.

Всѣ собрались на полянкѣ на общее совѣщаніе...

Въ то время, когда мы вели этотъ разговоръ, прибѣжалъ запыхавшись Микробка.

— Братцы, лѣсные человѣчки! послушайте меня, я вамъ сообщу важную новость!—кричалъ онъ издали.

— Въ чемъ дѣло?—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Я замѣтилъ у морского берега большой пароходъ.

— Пароходъ!

— Да! Очевидно, его бурей прибило къ нашему берегу. На пароходѣ нѣтъ никого.

— Вотъ отлично!—воскликнулъ Скокъ.—Мы сейчасъ пойдёмъ и посмотримъ, что это за пароходъ и, если онъ въ исправности, маршъ въ дорогу.

Тотчасъ же всѣ бѣгомъ пустились по направленію туда, гдѣ, по увѣренію Микробки, стоялъ неизвѣстно чей пароходъ.

Микробка говорилъ правду. У самага берега стоялъ большой пароходъ.

Не прошло и минуты, какъ мы всѣ уже очутились на палубѣ парохода.

Знайка внимательно осмотрѣлъ пароходъ, провѣрилъ, цѣлы ли машины, нѣтъ ли гдѣ поврежденій, пробоинъ, и тутъ же принялся пускать машину въ ходъ. Затѣмъ онъ обошелъ всѣ каюты и, убѣдившись, что на пароходѣ имѣется достаточный запасъ провизіи, сказалъ:

— Тутъ хватитъ намъ ѣды и питья на цѣлый годъ.

Спустя какой-нибудь часъ мы уже плыли по морю.

Я, Мурзилка, занялъ мѣсто на верхней палубѣ, откуда отлично виденъ былъ путь. Рядомъ со мною сталъ Индѣецъ и все уговаривалъ, чтобы мы поѣхали въ его страну.

Пароходъ между тѣмъ быстро несся по теченію.

— Куда же намъ держать путь?—спросилъ Заячья-Губа, который помѣстился на капитанскомъ мостикѣ на самой верхушкѣ корабля.

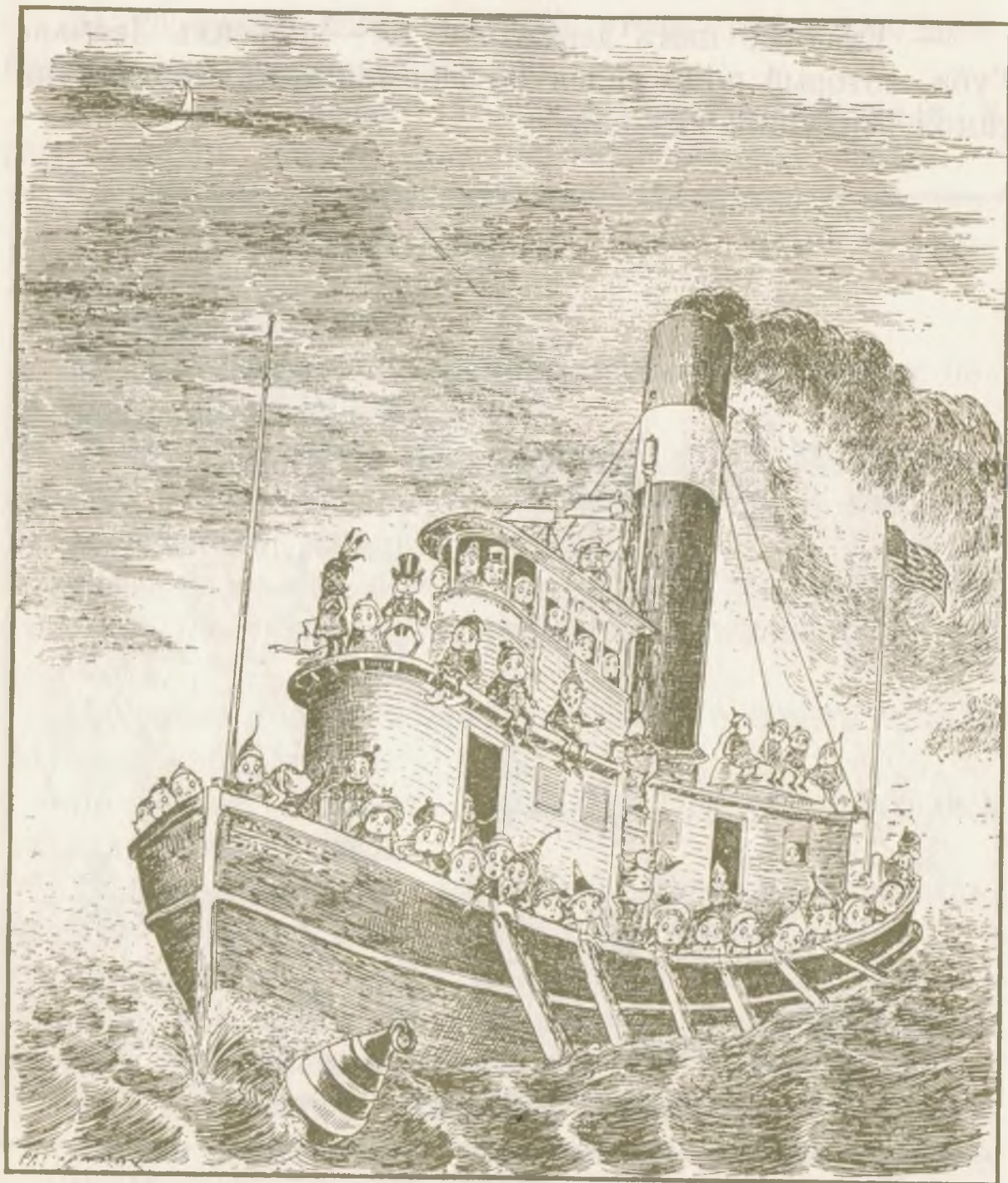

Всѣ бѣгомъ пустились по направленію туда, гдѣ стоялъ пароходъ...

— Знайка, отвѣть!—предложилъ я.

— У меня нѣтъ морской карты, по которой я могъ бы справиться куда именно надо направить пароходъ.

Мы плыли по морю...

- Какъ же быть?—спросилъ Заячья-Губа.
— Очень просто,—отвѣтилъ я,—будемъ двигаться прямо. Куда-нибудь да прїѣдемъ.

Едва я это сказалъ, какъ раздался ужасный трескъ. Это нашъ пароходъ ударился о подводную скалу, которой мы

Пароходъ ударился о подводную скалу...

не замѣтили. Ударился онъ съ такою силою, что нѣсколько лѣсныхъ человѣчковъ, сидѣвшихъ у самага борта, упали

въ воду. Къ счастью, Матросикъ держалъ наготовѣ большую спасательную веревку и бросилъ ее упавшимъ. Они схватили ее во-время и поднялись на палубу. Но, очевидно, пароходъ при ударѣ о скалу получилъ какое-то поврежденіе, потому что онъ сталъ наполняться водою, накренился на бокъ и замѣтно началъ погружаться въ воду.

— Надо спасаться, а то мы всѣ потонемъ!—крикнулъ Заячья-Губа.

Къ горю нашему, на пароходѣ не оказалось даже спасательной лодки, и несомнѣнно всѣ мы погибли бы. Но какъ разъ въ это время я замѣтилъ, что по морю плыветъ большой плотъ, который теченіемъ несло по направленію къ нашему пароходу. Когда плотъ поравнялся съ пароходомъ, мы всѣ соскочили на него. И сдѣлали это какъ разъ во-время, потому что корабль тотчасъ же потонулъ.

Волнами поднявшейся бури нашъ плотъ бросало во всѣ стороны. Мы уже потеряли надежду на спасеніе. Вдругъ сильный напоръ волны толкнулъ плотъ куда-то въ сторону.

— Мы гибнемъ!—крикнулъ я.

— Нѣтъ, нашъ плотъ прибило къ скалѣ,—отвѣтилъ Заячья-Губа.—Теперь мы спасены! Скорѣе, братцы, взберемся на эту скалу.

Дѣйствительно, это была скала, стоявшая по срединѣ моря.

Не разсуждая, мы всѣ тотчасъ же исполнили приказаніе Заячьей-Губы и стали взбираться на скалу. Но многіе при этомъ, въ томъ числѣ и я, выкупались въ холодной морской водѣ, не успѣвъ во-время добраться до самой скалы.

Хотя мы такимъ образомъ и спаслись отъ грозившей намъ опасности, но положеніе наше было все-таки очень печальное: мы не успѣли захватить съ собою ни

Мы всё соскочили на плоть...

питья, ни ѣды, и намъ грозила ужасная смерть отъ голода. Да тутъ же вдобавокъ кругомъ появились большія морскія птицы, спугнутыя нами со скалы, и съ крикомъ начали кружиться надъ нами. Нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе храбрыя, спускались на самую

въ воду. Къ счастью, Матросикъ держаль наготовѣ большую спасательную веревку и бросилъ ее упавшимъ. Они схватили ее во-время и поднялись на палубу. Но, очевидно, пароходъ при ударѣ о скалу получилъ какое-то поврежденіе, потому что онъ сталъ наполняться водою, накренился на бокъ и замѣтно началъ погружаться въ воду.

— Надо спасаться, а то мы всѣ потонемъ!—крикнулъ Заячья-Губа.

Къ горю нашему, на пароходѣ не оказалось даже спасательной лодки, и несомнѣнно всѣ мы погибли бы. Но какъ разъ въ это время я замѣтилъ, что по морю плыветъ большой плотъ, который теченіемъ несло по направленію къ нашему пароходу. Когда плотъ поравнялся съ пароходомъ, мы всѣ соскочили на него. И сдѣлали это какъ разъ во-время, потому что корабль тотчасъ же потонулъ.

Волнами поднявшейся бури нашъ плотъ бросало во всѣ стороны. Мы уже потеряли надежду на спасеніе. Вдругъ сильный напоръ волны толкнулъ плотъ куда-то въ сторону.

— Мы гибнемъ!—крикнулъ я.

— Нѣтъ, нашъ плотъ прибило къ скалѣ,—отвѣтилъ Заячья-Губа.—Теперь мы спасены! Скорѣе, братцы, взберемся на эту скалу.

Дѣйствительно, это была скала, стоявшая по срединѣ моря.

Не разсуждая, мы всѣ тотчасъ же исполнили приказаніе Заячьей-Губы и стали взбираться на скалу. Но многіе при этомъ, въ томъ числѣ и я, выкупались въ холодной морской водѣ, не успѣвъ во-время добраться до самой скалы.

Хотя мы такимъ образомъ и спаслись отъ грозившей намъ опасности, но положеніе наше было все-таки очень печальное: мы не успѣли захватить съ собою ни

Мы всѣ соскочили на плотъ...

питья, ни ѣды, и намъ грозила ужасная смерть отъ голода. Да тутъ же вдобавокъ кругомъ появились большія морскія птицы, спугнутыя нами со скалы, и съ крикомъ начали кружиться надъ нами. Нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе храбрыя, спускались на самую

скалу, очевидно съ намѣреніемъ схватить кого-нибудь изъ насъ. Дѣйствительно, одна изъ птицъ, спустившись на верхушку скалы, куда первымъ вскарабкался Незнайка, схватила его своимъ клювомъ и подняла кверху. Не-

Мы всё стали взбираться на скалу...

знайка поднялъ крикъ, сталъ барахтаться, кричать. Испугалась ли птица или ей жаль стало Незнайки, но только она, пролетѣвъ съ нимъ надъ моремъ вокругъ скалы, опустилась опять на скалу и доставила Незнайку, перепуганнаго, но цѣлаго и невредимаго.

Между тѣмъ вода поднималась все выше и выше и

стала заливать скалу, на которой мы приютились. Собравшись вмѣстѣ, мы стояли, со страхомъ думая, что вотъ-вотъ попадемъ всѣ въ воду и сдѣлаемся добычею акулъ и другихъ морскихъ рыбъ, сновавшихъ вокругъ скалы. Вдобавокъ къ этому, несносныя морскія птицы кружились надъ нами и тоже угро-

Птица подняла Незнайку кверху...

жали намъ гибелью. Одинъ изъ насъ, Индѣецъ, чуть было не попалъ въ пасть какой-то рыбы и его съ трудомъ удержалъ Чумилка.

Что касается меня, то я чуть было опять не упалъ въ

Сплотившись вмѣстѣ, мы стояли, думая со страхомъ...

обморокъ, — не отъ страха конечно, нѣтъ: мнѣ стало не по себѣ, когда я увидѣлъ сердитую рыбу, готовую проглотить бѣднаго Индѣйца...

Прошло еще нѣсколько времени, и вода совсѣмъ покрыла нашу скалу. Мы очутились глубоко въ водѣ и поневолѣ начали плавать. Только мнѣ одному удалось удержаться надъ поверхностью, такъ какъ я успѣлъ усѣсться на Знайкѣ и Фунтикѣ.

Несносныя морскія птицы теперь стали опускаться надъ выступавшими изъ воды головами. Казалось, спасенья нѣтъ: кто не утонетъ или не попадетъ въ пасть акулы, того схватитъ птица. Струсили конечно всѣ. Только я одинъ держался смѣло и если и дрожалъ, то не отъ страха, а отъ того, что вода въ морѣ была ужасно холодная...

* * *

Велика была наша радость, когда мы наконецъ опять очутились на твердой землѣ, до которой мы доплыли послѣ долгихъ усилій.

За исключеніемъ одного меня, всѣ были страшно изнурены, а нѣкоторые изъ лѣсныхъ малютокъ, добравшись до берега, упали даже на землю безъ сознанія. На бѣду, въ числѣ послѣднихъ оказался и докторъ Мазь-Перемазь, такъ что некому было помогать больнымъ или упавшимъ отъ усталости въ обморокъ. Пришлось мнѣ, Мурзилкѣ, замѣнить доктора. Вытащивъ изъ кармана доктора склянки съ лекарствами, я одному далъ понюхать спирту, другому влилъ капли въ ротъ, третьему натиралъ лобъ лекарствомъ и т. д., и т. д.

Но лѣсные человѣчки не привыкли долго хворать: на слѣдующее утро всѣ уже были совершенно здоровы и собрались на небольшой лужайкѣ, чтобы обсудить, куда ѣхать.

— Прежде всего надо бы узнать, гдѣ мы находимся,— заявилъ я.

— Знайка, это ты долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ,— замѣтилъ Фунтикъ.

Но Знайка ничего не могъ сказать. Онъ замѣтилъ

Всѣ очутились глубоко въ водѣ, только мнѣ удалось удержаться надъ поверхностью...

только, что мы, очевидно, находимся въ какой-нибудь жаркой странѣ.

Тутъ на помощь явился Прыжокъ, который предложилъ съѣздить на своемъ велосипедѣ въ окрестности, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ поблизости людского жилья, города или т. п.

Вскорѣ Прыжокъ вернулся, заявивъ, что нигдѣ не встрѣтилъ ни одного человѣка, ни одной хижины, а по-

палась ему лишь по дорогѣ огромнаго роста птица съ длинною шею.

По описанію Прыжка Знайка рѣшилъ, что птица эта — страусъ.

Слѣдя указаніямъ Прыжка, всѣ направились туда, гдѣ Прыжокъ оставилъ этого страуса.

Лѣсные человѣчки собрались на небольшой лужайкѣ...

Пришлось идти довольно долго, при томъ все время по раскаленному песку. Но вотъ передъ нами — огромная птица, важно-преважно шагавшая впередъ.

Мы притаились и смотримъ, куда она направится.

Страусъ, между тѣмъ, походивъ взадъ и впередъ, остановился, съ очевиднымъ намѣреніемъ отдохнуть.

— Тссс! — шепнулъ Знайка и прибавилъ: — не испугайте птицы. Подождемъ, когда она уснетъ, а потомъ сядемъ

Передь нами—огромная птица...

на нее всѣ. Она насъ понесетъ быстро на своихъ длинныхъ ногахъ.

Такъ мы и сдѣлали. Когда страусъ, очевидно, не подозрѣвая нашего присутствія, опустился на землю и закрылъ глаза, мы по очереди забрались къ нему на спину.

Страусъ пустился бѣгомъ...

Страусъ спалъ очень крѣпко и ничего не замѣтилъ. Но вотъ онъ вдругъ всталъ, почувствовалъ, что точно какія-то букашки помѣстились у него на спинѣ, и пустился бѣгомъ по дорогѣ. Никто изъ насъ, лѣсныхъ малютокъ, удержаться на его спинѣ не могъ. Первый слетѣлъ я. За мною другіе. Нѣкоторые держались одновременно кто за шею, кто за ногу страуса, но въ концѣ концовъ тоже очутились на землѣ.

Мы все-таки не пожалѣли о нашей прогулкѣ на страусѣ, потому что эта длинноногая птица пробѣжала

Матросикъ взобрался на мачту...

съ нами огромную пустыню и доставила насъ до мѣста, откуда мы уже безъ особаго труда могли добраться до берега моря.

Недалеко отъ берега стоялъ корабль. Хотя послѣ недавняго неудачнаго путешествія не особенно хотѣлось пуститься снова въ морское путешествіе, но оставаться на пустынномъ берегу тоже не представляло особеннаго удовольствія. Мы и рѣшили отправиться на этомъ кораблѣ въ море.

Первымъ очутился на кораблѣ Матросикъ. Онъ ловко взобрался на мачту и крикнулъ оттуда:

— Братцы, лѣсные малютки! Море совершенно спокойно! Волнъ не видно! Мы можемъ спокойно тронуться въ путь.

Я еще стоялъ въ это время на берегу и разговаривалъ съ Заячьею-Губою. Услыхавъ, что говорилъ Матросикъ, я вмѣстѣ съ другими малютками полѣзъ на палубу корабля.

Нѣсколько минутъ спустя, нашъ корабль уже плавно неся по морскимъ волнамъ и доставилъ насъ въ большой приморскій городъ, гдѣ мы могли отлично отдохнуть послѣ многихъ пережитыхъ опасностей.

* * *

Вотъ и конецъ приключеніямъ, которыя были съ нами во время нашего послѣдняго путешествія.

Но мы, малютки-эльфы, какъ извѣстно, не любимъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ и вскорѣ опять отправимся въ новое путешествіе.

... и... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

Издательство «Книжное»
Москва

Министерство культуры СССР

Второй том «Сказки»
Содержит 12 сказок
Иллюстрации
Цена 1 руб. 50 коп.
Выпущено в 1955 г.

Пальмер Кокс

НОВЫЙ МУРЗИЛКА

Удивительные приключения и странствования маленьких человечков

Репринтное издание

Издательская фирма "КРУК"

Творческое производственное объединение

Научно-исследовательский центр "Шелковый путь" при Советском фонде культуры

Художественно-технический редактор И.И. САВЕЛЬЧЕВА

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий».

Подписано в печать 05.05.91. Объем 7 п. л. Формат 84x108/16.

Тираж 200.000 экз. Печать офсетная. Бумага рисовальная.

Москва, Краснопролетарская, 16.

Заказ 1895

**Издательская фирма
"КРУК"
и
Международный журнал
"Магистериум"**

начинают в 1991 году выпуск многотомного
издания

"Энциклопедия гурмана"

Среди авторов, чьи книги составят серию,
ЕЛЕНА МОЛОХОВЕЦ, ВИЛЬЯМ ПОХЛЕБКИН,
ВЛАДИМИР УСОВ

В перспективном плане —
серия "Великие авантюристы",
трилогия Е. Парнова "Альбигойские
таинства":
"Ларец Марии Медичи", "Третий глаз
Шивы", "Мальтийский жезл"

СОВЕТСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ
ТВОРЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
"ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ"

Центр "Шелковый путь" действует с 1989 года при Советском фонде культуры в качестве общественной хозяйственной организации, основной целью которой является сохранение, освоение и развитие как духовного, так и материального наследия великих цивилизаций Евразии. Взаимообогащающие контакты этих цивилизаций устанавливались еще в эпоху неолита и в начале эры приобрели форму целой системы караванных и морских торговых путей, просуществовавшей по XVII век и получившей в науке название "Великий шелковый путь". Шелковый путь, часть маршрутов которого пролегла по землям нынешнего Советского Союза, сыграл важную, до сих пор мало изученную роль в истории, этнографии народов нашей страны и ее соседей.

Издательский отдел центра "Шелковый путь" готовит к выпуску серии книг — "Легенды и сказки Шелкового пути", "Восточный детектив", "Путешествия по Шелковому пути", сборник научных трудов "Вестник Шелкового пути", отдельные книги по истории, экономике, этнографии народов Евразии, фотоальбомы. В ближайшее время выйдут в свет: сборник статей "Японское чудо и советская экономическая реформа" под редакцией крупнейшего предпринимателя С. Цуцуми, с предисловием академика Н.Я. Петракова, книга руководителя японской организации "Сока Гаккай" Д. Икэды "Живой Будда", а также несколько детективных историй из жизни средневекового Китая пера известного голландского синолога Р. ван Гулика.

2007

7 руб.

200-00